Труды Терскаго Общества Любителей Казачьей Старины.

М. А. Карауловъ 2-й.

ОЧЕРКИ
КАЗАЧЬЕЙ СТАРИНЫ.

Твой отецъ былъ старый воинъ,
Закаленъ въ бою...
(М. Ю. Лермонтовъ. Казачья колыб. пѣс

Цѣна 50 коп.

Выпускъ I.

ВЛАДИКАВКАЗЪ.
Типографія Терскаго Областного Правленія.
1910.

ОЧЕРКИ КАЗАЧЬЕЙ СТАРИНЫ.

I. Значеніе слова «казакъ».

Происхожденіе слова. Его первоначальное общее значеніе. Особыя значенія: казаки-батраки и казаки-воины. Казаки татарскіе и русскіе.

Слово «казакъ», несомнѣнно, не русскаго происхожденія. Надо думать, что на Русь занесено оно татарами, такъ какъ ни въ какихъ документахъ и книгахъ мы не находимъ его въ первые вѣка русской исторіи, до татарскаго нашествія.

Слово это давало поводъ различнымъ ученымъ и изслѣдователямъ строить самыя разнообразныя догадки для выясненія его происхожденія и первоначальнаго значенія. Нѣкоторые пытались сопоставить его съ названіемъ племени Касоговъ, жившихъ въ IX—XI в.в. въ предгорьяхъ Сѣвернаго Кавказа, и съ Казахіей[1]), пограничной грузинской областью, упоминаемой Византійскимъ историкомъ X в. Императоромъ Константиномъ VII Багрянороднымъ, и съ Казарами, жившими на низовьяхъ Дона и Волги въ VIII—X вѣкахъ. Производили это слово и отъ турко-татарскаго слова «коз», что значитъ «гусь», и отъ монгольскихъ словъ «ко» (т. е. броня, латы, защита) и «зах» (т. е. межа, граница, рубежъ), откуда «козах» должно бы означать—«защитникъ границы». Историкъ Голубовскій считаетъ это слово половецкимъ, и по его предположенію оно означаетъ «стражъ», почему казаками должны были называться передовые бойцы. Однако же, несмотря на всѣ старанія ученыхъ, вопросъ о происхожденіи слова «казакъ» остается все еще спорнымъ и неяснымъ.

Оставляя въ сторонѣ то значеніе, которое имѣло и имѣетъ[2]) интересующее насъ слово въ языкахъ различныхъ азіатскихъ народовъ, мы разсмотримъ случаи употребленія его въ русскихъ историческихъ памятникахъ и постараемся выяснить, съ какимъ значеніемъ это слово перешло въ русскій языкъ.

[1]) Нынѣ татарское сел. Казахъ, Елисаветпольской губ., въ Закавказьѣ.

[2]) Такъ, въ Туркестанѣ «казакъ» означаетъ вообще всякаго кочевника, а киргизы сами себя называютъ не иначе, какъ только «казаками», при чемъ такъ же называютъ ихъ хивинцы и бухарцы; у осетинъ и балкаръ (горныхъ татаръ) казаками назывались плѣнные рабы, и т. д

Не трудно при этомъ замѣтить, что уже на первыхъ же порахъ слово «казакъ» въ русскомъ языкѣ употребляется то въ общемъ смыслѣ «бездомника» (даже иногда «изгнанника»), то въ болѣе узкомъ значеніи «одинокаго вольнаго человѣка», служащаго по доброй охотѣ государству или отдѣльнымъ его членамъ.

Когда въ 1476 году Крымскій ханъ Менгли-Гирей былъ изгнанъ изъ Крыма Ахметомъ и мѣсто его получилъ ханъ Зенебекъ, который, видимо, не считая свое положеніе вполнѣ прочнымъ, обратился къ Московскому Великому Князю Іоанну III съ просьбой дать ему въ Москвѣ убѣжище въ случаѣ изгнанія изъ Крыма, то Іоаннъ отвѣчалъ: «Прислалъ ты ко мнѣ своего человѣка, который говорилъ, что если, по грѣхамъ, придетъ на тебя истома, то мнѣ бы дать тебѣ опочивъ въ своей землѣ. Я и прежде твоего добра смотрѣлъ, *когда еще ты былъ казакомъ*[3]); ты и тогда ко мнѣ также приказывалъ, что если конь твой будетъ потенъ, то мнѣ бы тебѣ въ своей землѣ опочивъ дать. Я и тогда тебѣ опочивъ въ своей землѣ давалъ и нынче добру твоему радъ вездѣ; каковы твои дѣла будутъ послѣ, и захочешь у меня опочива, то я тебѣ опочивъ въ своей землѣ дамъ, и истому твою подниму». Въ 1591 г. Крымъ требовалъ отъ Москвы выдачи поступившаго на московскую службу крымскаго царевича Пашай-Мурзы, бѣжавшаго изъ Крыма «въ нуждѣ, *казачествомъ*». То же значеніе бездомовника, безпріютнаго бродяги-кочевника, лишеннаго своего крова и правъ, человѣка «безъ роду—безъ племени», находимъ мы въ грамотѣ царя Ѳеодора, посланной бывшему Сибирскому царю Кучуму въ 1597 году: «... Мы, Великій Государь, хотѣли тебя пожаловать: устроить на Сибирской землѣ царемъ, а племянникъ твой Магметъ-Кули устроенъ въ нашемъ государствѣ, пожалованъ городами и волостями по его достоинству, и служитъ нашему Царскому Величеству. А какъ ты *казакомъ* кочуешь на полѣ съ немногими людьми, то намъ извѣстно. Ногайскіе улусы, которые кочевали съ тобою, на которыхъ была тебѣ большая надежда, отъ тебя отстали; Чинъ-Мурза отъѣхалъ къ Нашему Царскому Величеству, остальные твои люди отъ тебя пошли прочь съ двумя царевичами, а иные пошли въ Бухары, Ногаи, въ *казацкую орду*[4]); съ тобою теперь людей немного,—это намъ подлинно извѣстно; да хотябъ съ тобою было и много людей, то тебѣ по своей неправдѣ противъ нашей рати какъ стоять? Знаешь и самъ, какія были великія мусульманскія государства Казань и Астрахань: и тѣ отецъ Нашъ, пришедши своею Царскою персоною, взялъ; а тебѣ, будучи на полѣ и живучи *казакомъ*, отъ нашей рати и огненнаго боя какъ избыть?...»

[3]) Т. е., въ данномъ случаѣ, лишеннымъ «дома», трона, законныхъ правъ.

[4]) См. выше примѣч. 2-е.

На ряду съ приведеннымъ выше общимъ значеніемъ мы встрѣчаемъ слово «казакъ» и съ другимъ, болѣе узкимъ содержаніемъ. Въ этихъ случаяхъ казаками называются *вольные служилые люди*, наймиты, батраки, стражники, отнюдь *не холопы*, не рабы и крѣпостные; люди служащіе по собственной доброй волѣ, а не по принужденію. Во время борьбы царя Ивана IV съ Казанью ногайскій ханъ писалъ ему (по полученіи богатыхъ подарковъ): «Я твой *казакъ* и твоихъ воротъ человѣкъ; братству моему знамя (доказательство) то: захотятъ младшіе мои братья или дѣти въ вашу сторону войною итти, то я, если смогу ихъ унять, уйму, а если же не смогу ихъ унять, то къ тебѣ вѣсть пошлю». Еще и въ наши дни въ Сѣверо-Восточной Руси словомъ „казакъ“ обозначается работникъ, человѣкъ, смотрящій за хозяйствомъ другого и не имѣющій своего. Такое же значеніе мы находимъ и во многихъ документахъ XVI в.: такъ, въ уставной грамотѣ Великаго Князя Василія крестьянамъ Моревской слободы читаемъ: «Плавити имъ дрова и хоромный лѣсъ рѣками, и имъ и *козакомъ* ихъ мыта и явки не давати». Въ жалованной грамотѣ Троицкому Сергіеву монастырю 1543 г. говорится: «Кто у нихъ станетъ жить у соли, у варницы и въ дворахъ, повара и водоливы и всякіе *козаки*, намѣстники наши и волостели, и тіуны ихъ тѣхъ людей не судятъ; а которые *козаки* приходцы порядятся жить за монастыремъ въ варницы, въ повара, водоливы, дрова рубить и возить и всякое дѣло дѣлать,—такимъ являться къ нашимъ намѣстникамъ».

Въ 1582 г. какой-то Тереха Ситниковъ подрядился доставить изъ Нижняго въ Астрахань хлѣбный запасъ въ 2500 четвертей муки и толокна; ему дана была грамота, по которой его всюду пропускали безпошлинно и безъ задержекъ, а потому, если кто-либо на запасчика (подрядчика) или на людей его попроситъ пристава или *казаки его*, не желая итти у него на судахъ, станутъ на немъ или на людяхъ его чего искать или чѣмъ его клепать, то бояре и воеводы не должны давать на него и на его людей пристава и суда, а судиться имъ въ Москвѣ въ Боярской Думѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ боярамъ, воеводамъ и дьякамъ воспрещалось *Терехиныхъ казаковъ* верстать въ стрѣльцы и въ *казаки*. Царю Борису Годунову Верхотурскіе стрѣльцы, *казаки*, пашенные крестьяне и ямскіе охотники жаловались на своеволіе начальства: держатъ они *по найму* для своей нужды, для пашни и для гоньбы *ярыжныхъ козаковъ*, даютъ имъ найму по три рубля съ полтиною и по четыре рубля на лѣто, кромѣ того, что они ѣдятъ и пьютъ у нихъ; но этихъ *казаковъ* берутъ у нихъ воевода и голова на царскія издѣлія (работы); кромѣ того, воевода и голова нанимаютъ къ казеннымъ банямъ *ярыжныхъ казаковъ*, даютъ имъ найму по четыре и по пяти рублей, и эти деньги, а также и деньги на банную

подѣлку велять собирать съ ихъ *ярыжныхъ казаковъ*.

Въ двухъ послѣднихъ примѣрахъ мы уже видимъ различеніе казаковъ-батраковъ (ярыжныхъ, торговыхъ) отъ казаковъ-воиновъ, служилаго военнаго сословія, возникшаго на Руси по примѣру и образцу татарскихъ казаковъ.

Татарскія орды, окружавшія Русь съ юга и востока въ XV—XVI в.в. не представляли изъ себя однородной массы. Въ зависимости отъ происхожденія, знатности и богатства они дѣлились на три различныхъ класса: *мурзъ*—князей, изъ рядовъ которыхъ выходили и ордынскіе цари, *улановъ*—средняго сословія, и *казаковъ*—низшаго сословія, наименѣе обезпеченнаго и соотвѣтствовавшаго пролетаріямъ Древняго Рима, которые оцѣнивались по своему имущественному положенію только въ одну «голову» (capite censi), за отсутствіемъ другого цѣннаго имущества. Въ то время какъ мурзы предводительствовали огромными отрядами, доходившими до нѣсколькихъ десятковъ тысячъ человѣкъ, а уланы выходили на войну въ сопровожденіи цѣлой толпы слугъ и рабовъ,—казакъ вылеталъ въ поле «голъ какъ соколъ». Много добра сулила ему война и битва, а терять было нечего, такъ какъ ничего у него не было за душой, кромѣ коня, оружія да «удалой башки»... Да и та не прочно сидѣла на буйныхъ плечахъ въ то суровое и ненадежное время, когда жизнь человѣческая шла ни во что.

Татарскіе казаки неоднократно упоминаются въ нашихъ лѣтописяхъ и другихъ историческихъ документахъ. Такъ, мы знаемъ, что Великій Князь Василій Іоанновичъ пожаловалъ татарскому царевичу Абдылъ-Летифу помѣстье въ Юрьевѣ, при чемъ взялъ съ него присягу на вѣрность службы и обязательство: «не принимать отъ другихъ царей и царевичей, которые будутъ въ Московскомъ государствѣ, улановъ, князей и *казаковъ*, хотя бы они прежде ушли отъ нихъ въ Орду или Казань, и оттуда ихъ не принимать». Въ 1535 г. въ Москву пріѣхали съ Волги *казаки*, городецкіе татары, и сказывали, что къ нимъ на островъ пріѣзжали казанскіе князья, мурзы и *казаки*, человѣкъ шестьдесятъ, и объявили объ убійствѣ казанскаго царя Еналея. Въ 1550 г. въ Москву стали ѣздить, человѣкъ по пяти, по шести сотъ, горные татары только что признавшіе надъ собою власть Московскаго царя; Государь ихъ жаловалъ, князей, мурзъ и сотенныхъ *казаковъ* кормилъ и поилъ у себя за столомъ, дарилъ шубами, доспѣхами, конями, деньгами. Въ 1552 г. казанскіе послы говорятъ царю Ивану Грозному: «теперь здѣсь въ Москвѣ улановъ, князей, мурзъ и *казаковъ* человѣкъ съ триста». Въ томъ же году бояре велѣли перехватать пришедшихъ въ Москву изъ Казани съ Шигъ-Алеемъ татаръ: Кудай-Кула, Лимана и всѣхъ князей и *казаковъ*.

И чѣмъ менѣе грозными для Русской земли становились татарскіе ханы и беки, все болѣе и болѣе

терявшие свою силу, тѣмъ опаснѣе и страшнѣе становились вездѣсущие и неуловимые татарскіе казаки, причинявшие не мало хлопотъ и бѣдъ жителямъ русскихъ порубежныхъ селъ и городовъ, купцамъ, посламъ и инымъ людямъ, имѣвшимъ надобность бывать въ степной Украйнѣ.

Понятно, что правительство московское обращалось съ жалобами на ихъ разбои и къ Крымскимъ ханамъ, и къ Турецкимъ султанамъ. Жалобы эти начинаются уже съ Іоанна III, который особенно просилъ унять разбойничавшихъ въ Придонскихъ степяхъ Азовскихъ (татарскихъ) казаковъ. Сынъ его, Василій Іоанновичъ, требовалъ отъ султана, чтобы тотъ запретилъ Азовскимъ и Бѣлгородскимъ (Аккерманскимъ) казакамъ подавать помощь Литвѣ противъ Руси. Въ грамотѣ Крымскаго хана Менгли-Гирея къ Іоанну III мы видимъ обѣщаніе унимать крымскихъ казаковъ: «Вышняго Бога волею я, Менгли-Гирей-Царь, пожаловалъ: съ братомъ своимъ, великимъ княземъ Иваномъ, взялъ любовь, братство и вѣчный миръ отъ дѣтей на внучатъ. Быть намъ вездѣ за-одно, другу другомъ быть, а недругу недругомъ. Мнѣ, Менгли-Гирею-Царю, не воевать, ни моимъ ханамъ, ни князьямъ, *ни казакамъ*; если же безъ нашего вѣдома люди наши твоихъ людей повоюютъ и придутъ къ намъ, то намъ ихъ казнить, и взятое отдать, а головы людскія безъ окупа выдать»...

Само собою разумѣется, что всѣ такія обѣщанія были безрезультатны, такъ какъ и крымцы, и ногайцы, и другіе кочевые обитатели южно-русскихъ степей жили, по преимуществу, грабежемъ, разбоемъ и продажей плѣнныхъ въ рабы, а потому никакія усилія хановъ, еслибы даже и можно было вѣрить ихъ искренности, не приводили ни къ чему. Русь могла спастись отъ вѣчной грозы только противопоставивъ силѣ такую же силу. И вотъ противъ татарскихъ хищниковъ, съ одной стороны, выдвигаются украинныя крѣпости, города, остроги (сторожевыя укрѣпленья, посты), населяемые служилымъ воинскимъ людомъ—стрѣльцами, городовыми казаками и т. д., а съ другой стороны, степныя рѣчки и овраги заселяются охотниками-воинами, вольными казаками, собирающимися въ большія дружины, военныя общины—казачьи войска. Такимъ образомъ навстрѣчу татарскимъ ордамъ Русь выставила вѣрнаго стража и защитника—казачество служилое и вольное.

И вотъ къ исторіи возникновенія этого казачества, его постепеннаго развитія и болѣе чѣмъ четырехъ вѣковой беззавѣтной и вѣрной его службы землѣ Русской мы переходимъ въ слѣдующихъ главахъ.

II. Начало казачества.

Борьба Руси со степью. Богатыри Свято-русскіе. Татарское иго. «Дикое поле» и его обитатели. Появленіе казаковъ. Ихъ служба государству.

Широко раскинулось по землѣ Русское государство. Включивъ въ границы свои половину Европы и почти половину Азіи, тянется оно отъ Балтійскаго моря до Великаго океана, отъ сѣверныхъ льдовъ съ полугодовыми ночами до жаркихъ краевъ Туркестана и Персіи.

Такимъ мы знаемъ наше отечество нынѣ. Но не всегда была могуча и велика Русь. Было время, когда она представляла изъ себя небольшое государство, пріютившееся въ лѣсистыхъ дебряхъ верховьевъ Днѣпра, Волги и Дона.

Это было тысячу лѣтъ тому назадъ. Тогда только еще начинала строиться Русская земля, только еще нарождалось Русское государство. Разбросанныя тамъ и сямъ по широкой лѣсистой равнинѣ Восточной Европы русскія племена кривичей, вятичей, радимичей, сѣверянъ, полянъ, древлянъ, тиверцевъ, угличей и другихъ жили безъ всякой связи другъ съ другомъ, безъ взаимной выручки и поддержки. Окруженныя повсюду врагами они еще не сознавали своего племенного единства и за то жестоко платились: сосѣди жили за ихъ счетъ, грабили и убивали ихъ, уводили въ плѣнъ, продавали ихъ въ рабство, собирали съ нихъ тяжкую дань.

Когда, къ концу IX вѣка, въ Кіевѣ — «матери городовъ русскихъ», появляются впервые, пришедшіе изъ Новгорода, князья Рюриковичи, въ то время къ востоку отъ Русской земли въ придонскихъ и приволжскихъ степяхъ находилось сильное, могучее и богатое государство Хозарское. Къ сѣверу отъ Хозаръ жили воинственные черемисскія племена Буртасъ. Въ нижнемъ теченіи многоводной Камы лежалъ великій и населенный торговый городъ — столица Камскихъ Болгаръ. Въ пріуральскихъ степяхъ кочевали печенѣги и гузы (торки). Предгорья Сѣвернаго Кавказа заняты были предками нынѣшнихъ осетинъ и кабардинцевъ — ясами и касогами. По берегамъ Чернаго моря и на Крымскомъ полуостровѣ раскинуты были богатыя византійскія поселенія. Въ степяхъ между Дономъ и Днѣпромъ бродили дикія угрскія (венгерскія) орды.

Большинство этихъ племенъ платило дань Хозарскому Кагану (царю).

И вотъ Кіевскимъ князьямъ пришлось прежде всего начать борьбу съ Хозарами и съ Византіей. Олегъ, Игорь, Святославъ предпринимаютъ смѣлые, рѣшительные и славные походы. Не останавливаютъ ихъ ни дремучіе лѣса, ни высокія горы, ни безчисленныя рѣки, болота и топи, ни широкія безводныя степи, ни бурныя волны синяго моря. Болгары, хозары, касоги, венгры, литовцы, даже далекая Персія и царственная

Визант я склоняются предъ русскимъ оружіемъ, слава котораго скоро облетѣла полъ міра...

Въ знакъ своей побѣды надъ Византійской имперіей Олегъ прибиваетъ свой щитъ на вратахъ столицы ея —Царь-града (нынѣ Константинополь). Игорь на своихъ быстрокрылыхъ ладьяхъ рыщетъ не только по Черному, но даже и по Каспійскому морю, куда идетъ съ нимъ (въ 913 и въ 943 годахъ) огромная русская рать на 500 корабляхъ; онъ опустошаетъ цвѣтущія греческія поселенія по анатолійскому берегу и богатую добычу собираетъ въ городахъ Закавказья и Сѣверной Персіи. Святославъ, окончательно разгромивъ хозарское царство, доходитъ до стѣнъ Семендера (нынѣшняго Петровска) завоевываетъ Тмутараканское княжество въ низовьяхъ Кубани и присоединяетъ къ обширнымъ владѣніямъ своимъ богатое Болгарское царство по нижнему Дунаю.

Но вотъ, со второй половины X вѣка, изъ средне-азіатскихъ степей чрезъ равнины Пріуралья, чрезъ такъ-называемыя «ворота народовъ» все новыя и новыя толпы хищныхъ кочевниковъ начинаютъ наводнять юго-восточный уголъ Европы. Идутъ другъ за другомъ безконечной вереницей полчища печенѣговъ, гузовъ, торковъ, берендѣевъ, половцевъ и т. д. разнося съ собою смерть, пожары и разрушеніе. Одно за другимъ гибнутъ русскія поселенія на южной украйнѣ. Опустошенное Подонье надолго попадаетъ въ руки кочевыхъ ордъ. Гибнетъ въ волнахъ степного нашествія оторванная отъ общей связи съ Русью отдаленная Тмутаракань. Самому Кіеву грозитъ непрестанная опасность отъ ярости и кровожадности хищныхъ половцевъ.

Приходится Руси, оставивъ мысль о дальнѣйшихъ завоеваніяхъ, подумать о собственной защитѣ. Начинаютъ князья земли Русской строить по южной границѣ города, «остроги» (сторожевыя укрѣпленія), дѣлать засѣки, проводить на цѣлые десятки верстъ огромные валы, усаженные крѣпкимъ частоколомъ. Уже сынъ Святослава Кіевскій князь Владиміръ Святой, Красное Солнышко, какъ называется онъ въ старинныхъ народныхъ пѣсняхъ, начинаетъ эту работу: ставитъ онъ «городы» по рѣкамъ Деснѣ, Остру, Трубежу, Сулѣ и Стугнѣ. Эти города получаютъ исключительно военное значенье и для населенія вызываются изъ внутреннихъ областей «мужи лучшіе», т. е. храбрые, воинственные люди, горящіе непреклоннымъ желаніемъ постоять за Святую Русь, готовые за сиротъ, за вдовицъ убогихъ биться до послѣдней капли крови со всякою «нечистью поганою», которою кишѣла степь.

И вотъ, на ряду съ княжими дружинами, пирующими за княжой счетъ въ стольномъ городѣ Кіевѣ, возникаетъ новый родъ воинства— богатыри святорусскіе. На степной границѣ собираются представители всѣхъ сословій, всѣхъ состояній: и знатные, и простые, и богачи, и бѣдняки—голь перекатная. И боя-

ринъ Добрыня Никитичъ, и подъячій Васька Долгополый, и молодой Алеша Поповичъ, и служилый человѣкъ Гришка Боярскій Сынъ,—всѣ они стоятъ на заставѣ богатырской, имѣя во главѣ у себя—„въ атаманахъ“—стараго бобыля, „матерого казака“ Илью Муромца, крестьянскаго сына. Здѣсь уже обнаруживаются зачатки новаго порядка и строя: не знатностью, не богатствомъ, а исключительно только личными достоинствами и заслугами создается положеніе среди этихъ „лучшихъ мужей“ своего времени. И все, что было въ ту пору на Руси честнаго, бодраго, храбраго, смѣлаго, все стекалось на эти заставы богатырскія для „береговой“ (охранной) и „станичной“ (разъѣздной) службы. Зорко смотрѣли они съ высоты сторожевыхъ кургановъ на широкій просторъ грозно молчащей степи, ежеминутно готовой изрыгнуть изъ своей глубины толпы жадныхъ хищниковъ. И завидѣвъ врага, устремлялись на него, и яростно бились, пока одна изъ сторонъ не падала на мѣстѣ мертвой.

А инымъ удальцамъ не сидѣлось и на заставѣ: собирались тогда „рѣзвыхъ“ людей легкія „станицы“ (летучіе отряды), и вылетали молодцы въ широкій степной просторъ «*казаковить*».

Въ чистомъ полѣ погулять,
Сѣрыхъ утокъ пострѣлять,
Руку правую потѣшить:
Сарацина въ полѣ спѣшить,
Иль башку съ широкихъ плечъ
У татарина отсѣчь,
Или вытравить изъ лѣса
Пятигорскаго черкеса.[1])

Всѣхъ ихъ принимала въ свои объятья широкая степь, но немногіе выносили обратно свои удалыя головушки. И только бѣлый ковыль,—то „*былье*“ которымъ порастало русское *былое*,—прикрывалъ ихъ буйныя кости, разсѣянныя по необъятному степному простору, обильно политому русской и вражьей кровью.

Не жалѣли богатыри ни головъ своихъ, ни трудовъ, ни крови... Безкорыстно берегли они многострадальную Русскую землю отъ чужеземнаго ига, но напрасны были всѣ ихъ труды и лишенія, ни къ чему не привели всѣ ихъ нечеловѣческія усилія...

Пока на далекой границѣ они отбивались отъ внѣшнихъ враговъ, внутри отечества встала болѣе грозная опасность: поднялась безпощадная братоубійственная борьба за власть... Въ усобицахъ потоками, безъ жалости и мѣры, лилась братская кровь... Въ пламени пожаровъ гибли села и нивы... На потокъ и разграбленіе отдавались озвѣрѣвшими, опьяненными борьбою побѣдителями цвѣтущіе города... Съ безсмысленной жестокостью предавались уничтоженію богатства, накопленныя долгими годами тяжкаго труда, пота и лишеній.

«Тогда», говорится въ Словѣ о полку Игоревѣ, «сѣялись и выро-

[1]) Пушкинъ «Сказка о мертвой царевнѣ и семи богатыряхъ.»

стали усобицы; погибала жизнь Дажь-божья внука; въ княжескихъ крамолахъ сократился родъ человѣческій. Тогда по русской землѣ рѣдко покрикивали пахари, зато часто каркали вороны, дѣля между собою трупы, а галки свою рѣчь говорили, собираясь летѣть на добычу. Княжескія усобицы были на-руку поганымъ. Братъ сказалъ брату: «Это мое, да и то мое же»... и начали князья о маломъ говорить словно о великомъ и сами на себя ковать крамолу, а поганые стали со всѣхъ сторонъ приходить съ побѣдами на Русскую землю»... Въ пылу междоусобной борьбы казалась пустячной затѣей, «авантюрой», какъ говорится теперь, охрана дальнихъ восточныхъ границъ. Защитники окраинъ, не видя себѣ поддержки, становились все болѣе и болѣе нерѣшительными; слабѣли ихъ и безъ того недостаточныя силы; все дальше и дальше отступали они на сѣверъ и западъ.

«Въ полѣ не работа, коль въ хатѣ пожаръ».

Въ поднявшейся смутѣ уже никто не зналъ, за что стоять и чему служить. Не видѣли русскіе люди, что отъ розни и великія дѣла разсыпаются въ прахъ... Рвали и терзали на части Матушку Русь ея собственные сыны.

И свершилось...

Перевелись богатыри на Святой Руси. Попала она подъ чужеземное иго.

Въ 1232—41 годахъ татарскія орды залили кровью и огнемъ всю Русскую землю, смели прочь жалкихъ властителей раздробленнаго государства, и заглушили разрозненные жадные крики «мое!» однимъ, поглощающимъ все кличемъ—«наше!» И затихли на время усобицы въ разоренной землѣ Русской, пока не подросли новыя поколѣнія.

Двѣсти слишкомъ лѣтъ распоряжались татарскіе ханы Русью. И въ теченіе этихъ лѣтъ повсюду въ широкомъ степномъ просторѣ, какъ и прежде, слышна была русская рѣчь, но звучала уже не по прежнему. Не гордыми кликами побѣдителей разносилась она по степному ковылю, а жалкими стонами побѣжденныхъ, влекомыхъ толпами въ рабство, въ неволю, униженными мольбами холоповъ, за счастье считающихъ лобызать руку бьющаго Русь «поганца», заискивающихъ нечистыхъ милостей ханскихъ приближенныхъ.

Тяжело было иго татарское, не скоро еще смоетъ время слѣды его съ русскаго народа.

«Но въ искушеньяхъ долгой кары, «перетерпѣвъ судьбы удары, «окрѣпла Русь. Такъ тяжкій млатъ, «дробя стекло, куетъ булатъ».

Начали сознавать русскіе люди, что только въ единеніи сила, и начали собирать землю Русскую Московскіе князья. Собравшись съ духомъ, попыталась Русь сбросить съ себя чужеземное иго, и успѣла въ этомъ. Въ 1380 году въ первый разъ дерзнули русскіе стать противъ татаръ съ открытой силой,—и 8-го сентября, на Куликовомъ полѣ, при впаденіи р. Непрядвы въ Донъ, великій князь

Дмитрій Донской разбилъ на-голову полчища татарскаго хана Мамая. Много пролито было въ этой битвѣ крови русской, но все еще не купила этой цѣной Русь своей свободы, потому что еще не всѣ за одно встали: одни подняли оружіе за права и свободу русскаго народа, а другіе или прямо стали на сторону враговъ народныхъ, или косвенно помогали имъ, продолжая прежнія распри и споры за власть. И опять надолго стало народное дѣло, потому что одинъ другому не давалъ за него взяться какъ слѣдуетъ. И если-бы партійныя распри не расшатали бы сильную когда-то власть Золотой Орды, если бы сама Орда не распалась на части, то долго бы еще пришлось Руси ожидать наступленія полнаго разсвѣта своей свободы.

Къ началу XVI вѣка на мѣстѣ Золотой Орды мы находимъ уже нѣсколько отдѣльныхъ татарскихъ царствъ. Среднее и нижнее Поволжье заняты сильными и богатыми царствами— Казанскимъ и Астраханскимъ. Въ степяхъ пріуральскихъ кочуютъ Большие Нагаи, а Малые бродятъ между Астраханью и Дономъ. Крымская орда то кочуетъ по самому Крымскому полуострову, то разсыпается со своими стадами по пріазовскимъ степямъ отъ Днѣпра до самаго Дона, берега котораго еще надолго сохраняютъ названія Крымской (правый) и Нагайской (лѣвый) сторонъ. По низовьямъ Буга и Днѣстра основались Бѣлгородскіе (Аккерманскіе) татары —Едиссанская орда.

Южно-русская граница отодвинулась значительно на Сѣверо-западъ: въ пустыню превратились когда-то цвѣтущія русскія поселенія Переяславской земли, почти вся Курская область и «польская украйна»[2]) княжествъ Сѣверскаго, Черниговскаго и Рязанскаго.

Эта пустыня протянулась вдоль всей юго-восточной границы болѣе, чѣмъ на 1000 верстъ длины и до 500 верстъ ширины. «Дикое Поле» называется она...

Еще хозяйничаютъ по Дикому Полю татарскія орды, но уже вновь начинаетъ наступать Русь по всему фронту: выдвигается впередъ лѣвый флангъ,—съ Оки и Унжи восточная граница перенесена уже на Ветлугу и Суру. По всей «украйнѣ», какъ и въ былое время Владимира Краснаго Солнышка, начинаютъ строиться города, рубятся засѣки, ставятся остроги, населяется служилый военный людъ: «дѣти боярскіе»[3]), стрѣльцы, пушкари, городовые казаки.

Русь готовится къ новой борьбѣ со степью. По равнинамъ, оврагамъ и перелѣскамъ Дикаго Поля закипаетъ вновь жестокая война не на животъ, а на смертъ.

Но на этотъ разъ побѣда остается за Русью. Широкой, могучей волной разливается она по безбреж-

---

[2]) Т. е. окраина, граничащая со степью, съ «полемъ», какъ говорилось тогда.

[3]) Дворяне; слово, вѣроятно, въ связи съ татарскими «уланами» (см. гл. I), такъ какъ «уланъ», или «огланъ», по-татарски значитъ «сынъ».

ному степному простору... А впереди Руси, какъ соколы, вырвавшіеся на волю, летятъ ближайшіе наслѣдники и прямые *потомки славныхъ когда-то великихъ, могучихъ богатырей Святорусскихъ—казаки.*

Еще осторожно и робко шагаетъ впередъ молодое Московское государство, все еще не вѣря въ свои силы, не смѣя дѣйствовать рѣшительнѣе изъ боязни потерять добытое положеніе и вновь почувствовать на себѣ тяжкое иго чужеземцевъ, еще воеводы царскіе только учатся бить татаръ,—а уже далеко отбита татарская волна заставами богатырскими. Уже рыскаютъ по всему Дикому Полю удалые казаки, и какъ въ былое время про курянъ говорилъ князь Всеволодъ[4]), что они удалые наѣздники, пути имъ вѣдомы, степныя яруги (овраги) знакомы, такъ теперь казаки уже свои въ Дикомъ Полѣ, и Дикое Поле для нихъ уже свое: знаютъ они тамъ всѣ пути—дороженьки.

Въ 1521 году надобно было назначить мѣсто для съѣзда московскихъ и турецкихъ пословъ; Московское правительство обратилось за справками къ *Рязанскимъ казакамъ*, а тѣ дали свѣдѣнія, что на полдорогѣ отъ Азова къ московскимъ границамъ находится «переволока»[5]), на этой переволокѣ прибой (пристанище) людямъ Астраханскимъ, и тутъ посольскимъ провожатымъ сходиться нельзя; надобно быть съѣзду на Медвѣдицѣ, которая ближе къ Великаго Князя украйнѣ, но лучше всего назначить съѣздъ на Хопрѣ. Впрочемъ рязанскіе казаки несутъ развѣдывательную службу не только по Дикому Полю: они получаютъ и дальнія командировки въ Крымъ и Турцію. Въ 1522 году съ Иваномъ Морозовымъ посланы казаки Рязанцы въ числѣ десяти станицъ (разъѣздовъ, отрядовъ) и списокъ ему данъ именной, гдѣ кого изъ нихъ оставить: въ Азовѣ четыре станицы, въ Кафѣ (нынѣ Ѳеодосія) четыре станицы, въ Царь-городъ взять двѣ станицы; которыхъ казаковъ оставить въ Азовѣ и Кафѣ и ему тѣмъ казакамъ приказать: если Крымскій царь захочетъ итти на Великаго Князя украйну, то станица ѣхала бы къ Великому Князю, а другія оставались бы и ждали новыхъ вѣстей, и какія еще вѣсти будутъ, ѣхали бы къ Великому Князю по станицамъ же, чтобы Великій Князь безъ вѣсти не былъ.

Исполняли казаки и самостоятельныя порученія къ сосѣднимъ восточнымъ державамъ, ѣздили послами, вели переговоры. Такъ, въ 1517 г. Великій Князь созвалъ на думу братьевъ и бояръ и спросилъ ихъ, слѣдуетъ ли послѣ бывшаго только—что коварнаго нападенія крымцевъ на Русь продолжать дипломатическія сношенія съ Крымомъ, «*посылать ли къ хану казаковъ съ грамотами*». Дума приговорила, что нужно посылать, чтобы ханъ прямо не отсталъ отъ Москвы. А посольское дѣло было въ тѣ време-

[4]) Въ «Словѣ о полку Игоревѣ».

[5]) Мѣсто, гдѣ Волга и Донъ близко сходятся, и гдѣ суда переволакивались изъ одной рѣки въ другую.

на не легкое и опасное. Приходилось казакамъ и холоду и голоду натерпѣться въ пути, отбиваться отъ нападеній придорожныхъ грабителей, да и при дворѣ восточныхъ властителей не всегда жилось спокойно: били ихъ тамъ, оскорбляли всячески, грабили, отнимали даже одежду, продавали въ рабство въ далекіе мусульманскіе края. Около 1535 года посолъ Наумовъ писалъ къ великому князю Василію Іоанновичу: «Пріѣхали къ Исламу (въ Крымъ) *твои казаки*, и вотъ князья и уланы начали съ нихъ платье снимать; просятъ соболей; я послалъ сказать объ этомъ Исламу, а князья и уланы пришли на Ислама съ бранью: ты у насъ отнимаешь, не велишь великому князю намъ поминковъ (подарковъ) присылать. А Исламъ говорилъ: «Какое наше братство? Нарочно великій князь не шлетъ къ намъ поминковъ не хотя со мной въ дружбѣ и въ братствѣ быть»; а князьямъ сказалъ: «дѣлайте какъ вамъ любо!»—и они всѣ хотятъ *казаковъ твоихъ продать* (въ рабство).

Но смѣло и спокойно выносилъ богатырскій духъ казачій всѣ эти тягости и невзгоды. Не зная страха передъ врагомъ, наводившимъ ужасъ на мирное населеніе Русской земли, казаки сами шли навстрѣчу опасности, перенимая отъ враговъ систему войны, ихъ боевые снаряды и уловки, оружіе и снаряженіе.

И скоро ученики превзошли своихъ учителей. Уже и въ отдаленнѣйшихъ углахъ степного простора не чувствуютъ себя спокойными и безопасными татарскіе улусы,—казаки всюду находятъ своихъ враговъ. Вновь загорается заря русской славы. Станицы удалыхъ соколовъ-казаковъ не только шныряютъ по Дикому Полю, но залетаютъ и въ самое сердце татарщины—въ Крымъ. Начинаются казачьи походы, повторившіе славные набѣги Олега, Игоря, Святослава, Владимира Мономаха и ихъ богатырскихъ дружинъ.

Когда, собственно, появилось казачество на Руси, съ точностью опредѣлить невозможно. До насъ дошло преданіе, что еще 1380 году, когда Дмитрій Донской шелъ съ Куликова поля послѣ Мамаева побоища, то первыми встрѣтили его на Русской границѣ близъ города Гребени «народъ христіанскій, воинскаго чина живущій, зовоміи *казацы* въ радости срѣтающи его со святыми иконами и со кресты поздравляюще о избавленіи своемъ отъ супостатовъ и приносяще ему дары отъ своихъ сокровищъ, яже имѣху у себя чудотворныя иконы во церквахъ своихъ. Великій Князь съ великою вѣрою и любовію пріемъ и ихъ воинство вельми тѣлесными дары обогативъ и почтивъ, и по вся лѣта устави имъ *казакомъ свое жалованіе за* почесть ихъ и *сильную храбрость* противу супостатъ агарянска языка».

Съ XV вѣка извѣстія о казакахъ принимаютъ совершенно несомнѣнный характеръ, а съ начала XVI в., послѣ объединенія подъ властью Московскаго великаго князя всей Сѣверо-Восточной Руси вплоть до самой границы со степью, казаки

уже постоянно упоминаются въ составѣ Московскихъ вооруженныхъ силъ, принимая дѣятельное участіе въ государственномъ строительствѣ, въ оборонѣ городовъ, въ наблюденіи за набѣгами дикихъ кочевниковъ, въ отраженіи ихъ ордъ, въ преслѣдованіи хищниковъ, въ отбиваніи у нихъ русскаго «полона» и во всѣхъ походахъ, направляемыхъ государями Земли Русской въ глубь степей.

Выше мы видѣли, что казачество является по духу и цѣлямъ своимъ прямымъ продолженіемъ богатырства святорусскаго, а потому его нужно считать столь же древнимъ, какъ и самое Русское Государство. Походы Игоря, Олега, Святослава—тѣ же казачьи походы. Самый Святославъ—типичный казачій атаманъ, ставящій выше всего свое товарищество, дружину свою хоробрую, готовый за нее положить свою буйную голову и жертвующій для воинской потѣхи своими лучшими привязанностями, семьей, женой, дѣтьми.

Можно смѣло сказать, что *казачество—это Русь*, но не безвольная холопская Русь, стонущая подъ чужеземнымъ игомъ и безсильно тонущая въ междоусобной борьбѣ, а *Русь свободная, побѣдоносная, широко распростирающая свои орлиныя крылья по степному простору и смѣло смотрящая въ очи сосѣдямъ врагамъ.*

III. Казаки восточные—городовые и вольные.

Различіе между городовыми и вольными казаками. Казачье общественное устройство Войсковой кругъ. Его права и дѣятельность. Казаки и Московское правительство XVI—XVII в.в. Воры ли казаки? Идея казачества.

Въ половинѣ XVI в. юго-восточная граница Руси, такъ называемая «польская украйна», охранялась цѣлой цѣпью передовыхъ укрѣпленныхъ городовъ: Путивль, Рыльскъ, Новгородъ-Сѣверскій, Орелъ, Новосиль, Данковъ, Ряжскъ, Шацкъ, Кадомъ, Темниковъ и Алатырь, сзади которыхъ шли укрѣпленія второй линіи: Карачевъ, Мценскъ, Тула, Кропивна, Дѣдиловъ, Епифань, Рязань, Новгородъ-Нижній и др.

Постоянно высылались изъ этихъ городовъ «станицы» (разъѣзды) на «Муравскій Шляхъ» и въ «Дикое Поле» до Днѣпра, Донца и Доно-Волжской переволоки для собиранія вѣстей и наблюденія по степнымъ сакмамъ[1]), шляхамъ (дорогамъ) и перелазамъ (бродамъ), не появятся ли гдѣ-нибудь татарскіе хищники. Сторожевую службу несли въ городахъ второй линіи отчасти, а въ передовой по преимуществу—*казаки*.

Эти казаки жили въ городахъ, въ пригородныхъ слободкахъ, или въ своихъ собственныхъ помѣстьяхъ, которыя они получали за свою службу наравнѣ съ «дѣтьми боярски-

[1]) Сакма—слѣдъ по травѣ, особенно по свѣжей росѣ или инею.

ми». Поэтому они дѣлились на «помѣстныхъ» и «безмѣстныхъ». Послѣдніе получали еще названіе «кормовыхъ», такъ какъ служили за «кормъ», т. е. за денежное и хлѣбное жалованье.

По роду службы своей казаки раздѣлялись на «полковыхъ» (или «рядовыхъ»), несшихъ «береговую» (охранную) службу въ городахъ, и на «сторожевыхъ», ѣздившихъ въ «станицы» и на степныя «сторожи». Въ первую категорію попадали казаки «худые», безконные, неспособные къ трудной полевой службѣ. Неся меньше обязанностей, они меньше получали и жалованья. Въ сторожевые же казаки «верстались» (зачислялись) наиболѣе «рѣзвые», смѣлые, ловкіе и крѣпкіе люди. Лучшіе изъ нихъ, болѣе сноровистые и освѣдомленные, именовались «станичными вожами» (т. е. предводителями разъѣздовъ), прочіе числились въ «ѣздокахъ».

Управлялись городовые казаки своими выборными атаманами и головами; числились, вмѣстѣ съ прочимъ воинскимъ служилымъ людомъ, въ Стрѣлецкомъ приказѣ. Въ 1571 году сторожевая казачья служба была приведена въ большій порядокъ, и даже былъ составленъ тогдашнимъ начальникомъ «польской украйны», княземъ Воротынскимъ, *Уставъ сторожевой и станичной службы.*

По этому уставу требовалось станичникамъ къ своимъ урочищамъ ѣздить и сторожамъ на сторожахъ стоять въ тѣхъ мѣстахъ, которыя были бы усторожливы, гдѣ-бъ имъ воинскихъ людей можно было усмотрѣть. Стоять сторожáмъ на сторóжахъ, съ коней не ссаживаясь, поперемѣнно, и ѣздить по урочищамъ поперемѣнно же, направо и налѣво по два человѣка, по наказамъ, какіе будутъ даны отъ воеводъ. Становъ имъ не дѣлать; огонь раскладывать не въ одномъ мѣстѣ; когда нужно будетъ кому пищу сварить, и тогда огня не раскладывать въ одномъ мѣстѣ дважды; въ которомъ мѣстѣ кто полдневалъ, тамъ не ночевать; въ лѣсахъ не останавливаться,—останавливаться въ такихъ мѣстахъ, гдѣ было бы усторожливо. Если станичники или сторожа подстерегутъ воинскихъ людей, то посылаютъ своихъ товарищей съ этими вѣстями въ ближайшіе украинскіе города, а сами позади непріятеля ѣдутъ на сакмы (слѣды), по сакмамъ и по станамъ людей смѣчать, и, поѣздивъ по сакмамъ и смѣтивъ людей, съ тѣми вѣстями въ другой разъ отсылаютъ товарищей въ тѣ же города. Новые посланные ѣдутъ направо или налѣво которыми дорогами поближе, чтобъ въ украинскіе города вѣсть была раньше, не передъ самымъ приходомъ непріятеля, а самимъ имъ ѣхать за непріятелемъ сакмою, а гдѣ и не сакмою (какъ пригоже), покинувъ сакму направо или налѣво, ѣздить бережно и усторожливо, и того беречь накрѣпко: на которыя украйны воинскіе люди пойдутъ? и имъ, что то развѣдавши вѣрно, самимъ съ вѣстями подлинными спѣшить къ тѣмъ городамъ, на которые непріятель пойдетъ. Если ста-

ничники завидятъ воинскихъ людей на дальнихъ урочищахъ, то имъ посылать посылки по три и по четыре, или сколько будетъ пригоже, посмотря по людямъ и по дѣлу, отъ которыхъ мѣстъ пригоже, а не отъ одного мѣста, чтобъ, провѣдавъ подлинно про непріятеля, на какія мѣста онъ идетъ, самимъ съ подлинными вѣстями спѣшить наскоро въ тѣ города, на которые пойдетъ непріятель. А не бывъ на сакмѣ и не смѣтивъ людей и не довѣдавшись до-пряма, на которыя мѣста воинскіе люди пойдутъ, станичникамъ и сторожа́мъ съ важными вѣстями не ѣздить и сторожа́мъ, не дождавшись на сторо̀жахъ себѣ перемѣны, со сторо̀жъ не съѣзжать. А которые сторожа́, не дождавшись смѣны, со сторо̀жи сойдутъ, и въ то время государевымъ украйнамъ отъ воинскихъ людей учинится война,—тѣмъ сторожа́мъ отъ государя быть казненнымъ смертью. Которые сторожа на сторо̀жахъ лишніе дни за срокомъ перестоятъ, а ихъ товарищи на смѣну въ тѣ дни къ нимъ не пріѣдутъ, то брать первымъ на послѣднихъ по полуполтинѣ на человѣка въ день. Если воеводы или головы пошлютъ кого наблюдать за станичниками и сторожа̀ми на урочищахъ и на сторо̀жахъ, и посланные найдутъ, что они стоятъ небрежно и неусторожливо и до урочищъ не доѣзжаютъ, то хотя бы приходу воинскихъ людей и не ждали,—тѣхъ станичниковъ и сторожей за то бить кнутомъ. Воеводамъ и головамъ смотрѣть накрѣпко, чтобъ у сторожей лошади были добрыя и ѣздили бы на сторожи о двухъ коняхъ, чтобъ можно было, увидавши непріятеля, уѣхать. У кого изъ станичниковъ и сторожей лошади будутъ худы, а случится посылка скорая, и подъ тѣхъ сторожей велѣть доправить лошадей на ихъ головахъ; а если надобно вскорѣ я доправить некогда, то воеводамъ велѣть брать лошадей добрыхъ у ихъ головъ; а не будетъ у головъ столько лошадей, то воеводамъ брать по оцѣнкѣ лошадей добрыхъ у полчанъ своихъ, а на головахъ брать найму на всякую лошадь по 4 алтына съ деньгою на день, и отдавать деньги тѣмъ людямъ, у которыхъ взяты лошади.

Въ 1574 году всѣ городовые казаки «польской украйны» получаютъ Наказнымъ Атаманомъ родоначальника нынѣ благополучно царствующаго Дома Романовыхъ боярина Никиту Романовича Юрьева-Захарьина. По его распоряженью казакамъ за несеніе сторожевой службы было прибавлено денежное и помѣстное жалованье болѣе чѣмъ вдвое, наличный составъ былъ провѣренъ, осмотрѣно снаряженіе и лошади, при чемъ велѣно: «которые казаки собою худы или безконны и въ сторожевую службу ихъ не будетъ,—тѣхъ отъ сторожевой службы отставить, и служить имъ казачью рядовую службу и помѣстной имъ придачи не придавать, а на ихъ мѣсто прибрать изъ рядовыхъ казаковъ добрыхъ и конныхъ».

Съ половины XVI вѣка все дальше и дальше на югъ и востокъ распространяется порубежный пре-

дѣлъ Русскаго царства, строятся все новые и новые города [2]), въ которыхъ мы опять-таки находимъ прежде всего *городовыхъ казаковъ* —Самарскихъ, Ливенскихъ, Воронежскихъ, Елецкихъ, Задонскихъ, Тамбовскихъ, Чугуевскихъ, Астраханскихъ и т. п.

На ряду съ казаками «польской украйны» имѣются извѣстія о казакахъ и другихъ городовъ, по преимуществу пограничныхъ съ западными врагами Московскаго царства —Литвой, Шведами, Нѣмцами. Таковы казаки Смоленскіе, Псковскіе, Новгородскіе [3]), Великолуцкіе, Вологодскіе и т. д. Эти казаки, какъ и прочіе, такъ же или довольствуются «кормами», хлѣбнымъ и денежнымъ жалованіемъ или же получаютъ помѣстья, а со введеніемъ крѣпостного права владѣютъ и крестьянами одинаково съ дворянскимъ сословіемъ.

Къ тому же XVI вѣку (и, несомнѣнно, къ самому началу его) относится возникновеніе и другого казачества, *вольнаго*.

Дикое Поле со своими многочисленными оврагами, балками, холмами, перелѣсками, давало прекрасное убѣжище всякому люду, которому не жилось въ предѣлахъ Московскаго государства. Здѣсь-то и было положено начало тѣмъ военнымъ братствамъ, напоминающимъ, съ одной стороны, дружины Кіевской Руси, а съ другой, духовно-рыцарскіе ордена Западной Европы. Подъ давленіемъ постоянной внѣшней опасности вольное казачество сплотилось въ многотысячныя воинственныя общины, осѣвшія по берегамъ степныхъ «словутныхъ» рѣкъ Дона, Яика и др. и получившія названіе казачьихъ войскъ. Такъ возникли старшія казачьи войска Донское, Волжское, Гребенское, Терское и Яицкое.

Сюда-то, въ эти свободныя общины, какъ въ былое время на заставу богатырскую, стекались «лучшіе» люди Московской Руси, стекались всѣ, кто, чуя въ себѣ силушку великую, хотѣлъ размыкать ее по чисту полю, удаль свою молодецкую показать и добыть себѣ чести, а казачеству славы. Сюда же стекались и тѣ, кто искалъ себѣ спасенія отъ холопства невольнаго, отъ прикрѣпленія къ землѣ, къ тяглу, къ помѣщику, такъ какъ къ концу XVI вѣка Московское государство держало въ крѣпкихъ тискахъ своихъ гражданъ, возложивъ на нихъ тяжелыя обязанности предъ государствомъ, обязанности, не соотвѣтствовавшія правамъ. И вотъ, кто хотѣлъ избавиться отъ этихъ тисковъ, отъ тяжести податей и налоговъ и отъ произвола дворянъ да бояръ государевыхъ; кто жаждалъ вольной, свободной жизни, кого не пугало царившее въ казачьихъ общинахъ общее равенство, а влекло къ себѣ товарищеское братство,—всѣ стекались на берега «запольныхъ» [4]) рѣ-

[2]) Самара, Ливны, Воронежъ—1586 г., Царицынъ—1589 г., Саратовъ 1590 г., Елецъ—1592 г., Бѣлгородъ, Осколъ, Валуйки—1593 г., и т. д.

[3]) Новгорода Великаго.

[4]) Лежащихъ за Дикимъ Полемъ

чекъ и увеличивали собою толпы казачества «вольнаго, свирѣпаго и безстрашнаго»...

Надо еще не забывать и того обстоятельства, что закончившееся къ началу XVI в. объединеніе Сѣверо-восточной Руси сопровождалось уничтоженіемъ свободныхъ, вольныхъ вѣчевыхъ государствъ русскихъ—Великаго Новгорода, Пскова и другихъ. Конечно, и жители этихъ разгромленныхъ областей стремились въ казачьи общины. являвшіяся носителями того же самого государственнаго порядка и строя.

Охота, рыбная ловля и война давали казачеству средства къ жизни, и они же опредѣляли собой общественный строй, обычаи и нравы казачества. Первые два вида дѣятельности ставили казаковъ въ необходимость селиться небольшими городками (по 100, по 200 и по 300 человѣкъ) въ удобныхъ для промысла мѣстахъ, боевая же обстановка развивала и закаляла товарищескій духъ взаимопомощи, выручки и поддержки, такъ какъ, только благодаря этой тѣсной внутренней спайкѣ, могло казачество выйти побѣдоносно изъ тяжелой кровавой борьбы.

Въ отличіе отъ казаковъ городовыхъ, составлявшихъ въ Московскомъ государствѣ военное служилое сословіе, среднее между «дѣтьми боярскими» и «стрѣльцами», вольное казачество въ основу своего единенія клало полное отрицаніе какихъ бы то ни было сословныхъ раздѣленій. На царскую грамоту, приглашавшую въ 1638 году прислать въ Москву «лутчихъ» (т. е. знатнѣйшихъ) казаковъ къ Царю «для всякихъ государевыхъ дѣлъ», Донское войско отвѣчаетъ: «то де у нихъ и лутчіе люди, ково они выбравъ Войскомъ пошлютъ къ Государю, а лутчихъ де людей у нихъ на Дону нѣтъ,—всѣ межъ себя ровны.» Когда въ 1598 году царскій посолъ Нащокинъ, привезя на Донъ подарки, хотѣлъ раздавать ихъ казакамъ по наказу—«лучшимъ» хорошіе, а рядовымъ похуже, казаки отвѣтили ему, что «у нихъ большихъ нѣтъ никого,—всѣ ровны, а раздѣлятъ сами на все войско, по чему достанетъ.»

Впрочемъ, ни свобода, ни равенство нисколько не мѣшали казачеству быть надежнымъ оплотомъ своего отечества и вѣрно служить природнымъ своимъ государямъ—Царямъ Русскимъ. Въ 1641 году Донцы пишутъ изъ Азова главнокомандующему турецкаго осаднаго корпуса въ отвѣтъ на его приглашеніе перейти на службу къ Турецкому Султану: «Холопы мы природные Царя Государя Московскаго, а бѣгаемъ изъ того государства Московскаго отъ дворянъ да отъ бояръ государевыхъ». Московскіе бояре просто-на-просто являлись вещью лишней и безполезной, съ точки зрѣнія казаковъ. Тому же Нащокину говорило Донское войско: «прежде мы служили Государю и головъ (т. е. воеводъ) московскихъ у насъ не было, служили своими головами, и теперь ради служить Государю своими головами, а не съ Хрущовымъ». Прошло полъ вѣка и снова

пишутъ (въ 1646 году) Царю казаки: «А твоему государеву дворянину Ждану Кондыреву на такую твою государеву великую службу водянымъ путемъ съ нами, холопи твоими, быти ему невозможно, потому государь, что онъ жилъ при твоей государской свѣтлости, и человѣкъ онъ нѣжной, а нынѣшніе, государь, нужи и морскихъ походовъ и пѣшіе службы ему будетъ нетерпѣть. И намъ, Государь, бываютъ нужи да и хуртины (бури, волненія) великіе и струги наша разноситъ по морю, другъ друга не возвѣдаемъ, да и топитъ, Государь, хуртиною у насъ многіе струги, а иные на берегъ выметываетъ и разбиваетъ: и безъ запасу и безъ воды многіе дни бываемъ. А ему, Государь, Ждану такіе великіе нужи и пѣшіе службы съ нами будетъ нетерпѣть. А намъ, холопемъ твоимъ, лучится о тамошнемъ какомъ дѣлѣ и о промыслу ему, Ждану, говорить, и ему, Государь, будетъ на насъ въ томъ досадовать, и у нево, Государь, въ томъ дѣлѣ будетъ ссора и смута, и всякимъ нашимъ промысломъ въ твоей государевѣ службѣ отъ тово будетъ поруха. А ему, Государь, морскихъ походовъ, и пристаней, и тамошнихъ мѣстъ ничто не за обычей и не вѣдаетъ». И Царь милостиво удовлетворилъ челобитную казаковъ — послалъ Войску Донскому свое Царское «спасибо», а Кондыреву повелѣлъ вернуться къ Москвѣ.

Изъ приведенныхъ выше примѣровъ мы видимъ, что въ XVI—XVII столѣтіяхъ казаки служили Царю *«своими головами»*, т. е. имѣли во главѣ своей собственное начальство. Не велико было число этого начальства: Войсковой Атаманъ да Войсковой Ясаулъ (иногда Ясауловъ было два и болѣе), а для веденія несложнаго письмоводства состоялъ Войсковой Дьякъ (или Писарь) съ подъячими. Войсковое знамя и прочія регаліи ввѣрялись особымъ старшинамъ: Войсковому Знаменщику, Бунчуковому Товарищу и др.

Устройство отдѣльныхъ казачьихъ городковъ соотвѣтствовало устройству всего Войска. Во главѣ стоялъ опять-таки Атаманъ, а «атаманы у насъ на Дону», говорили казаки, «безъ есауловъ не бываютъ».

Всѣ эти чины замѣщались по выбору на одинъ годъ, и по окончаніи своего срока должностное лицо превращалось въ обыкновеннаго рядового казака. Атаманъ Аввакумъ Сафоновъ пишетъ въ челобитной къ Царю въ 1642 году: «А то онъ, Наумъ, былъ Войсковой Атаманъ до Азовской осады на Дону, а въ Азовскую осаду былъ онъ въ рядовыхъ, а я холопъ твой Абакумко и въ Азовскую осаду былъ станичный атаманишко; а Войсковой у насъ Атаманъ одинъ и тотъ въ Азовѣ».

Войсковому Атаману принадлежала только исполнительная власть, что же касается до власти распорядительной, то она неотъемлемо оставалась за всѣмъ Войскомъ въ его цѣломъ. Для осуществленія же этой власти войско собиралось по мѣрѣ надобности въ *Войсковой Кругъ*, въ которомъ и рѣшались

всѣ важнѣйшія войсковыя дѣла. Казачій *Кругъ* вполнѣ тожественъ съ древне-русскимъ народнымъ собраніемъ—*вѣчемъ*: тѣ же у нихъ права, тотъ же составъ, та же дѣятельность.

Составлялся Войсковой Кругъ изъ всѣхъ явившихся на мѣсто собранія казаковъ, не опороченныхъ передъ Войскомъ, при чемъ всѣ имѣли равное право голоса. Кругъ обыкновенно собирался на площади главнаго городка Войска. Посреди площади, въ центрѣ Круга, располагался окруженный войсковою «старшиною» Войсковой Атаманъ со знаками своей власти—булавой и бунчукомъ, и предлагалъ на обсужденіе Кругу очередныя дѣла. Впрочемъ, предложенія Кругу могъ невозбранно дѣлать и всякій изъ присутствующихъ. Изложивъ сущность дѣла, Атаманъ (или по его порученію Ясаулъ) спрашивалъ собраніе: «Любо ли вамъ, атаманы молодцы?» Присутствующіе отвѣчали «*любо!*» или «*не-любо*», и простое большинство рѣшало вопросъ. Чаще всего Кругъ приходилъ къ единодушнымъ рѣшеніямъ, а до безобразныхъ дикихъ дракъ, какъ на Новгородскомъ вѣчѣ, дѣло доходило только въ чрезвычайно рѣдкихъ случаяхъ, такъ какъ постоянная внѣшняя опасность и общія «нужи морской и пѣшей службы» создавали столь прочную спайку казачьяго товарищества, что казакъ всегда готовъ былъ братски подѣлиться съ сосѣдомъ даже послѣднимъ кускомъ хлѣба.

Историческіе документы, дошедшіе до нашего времени и относящіеся въ большинствѣ къ Донскому Войску, даютъ намъ возможность не только ближайшимъ образомъ указать предметы вѣдѣнія и обычаи Войскового Круга, но и подкрѣпить это указаніе примѣрами изъ собранія Донскихъ Дѣлъ, изданныхъ Императорской Археографической комиссіей въ 1898—1906 г.г.

Кромѣ избранія всѣхъ войсковыхъ должностныхъ лицъ, завѣдыванія войсковымъ имуществомъ, капиталами и распредѣленія между войскомъ царскаго денежнаго, порохового и прочаго жалованья, Войсковой Кругъ въ потребныхъ случаяхъ устанавливалъ налоги съ казаковъ на общевойсковыя надобности, какъ, напр., на укрѣпленіе городовъ, пріемъ посольствъ и проч. Въ 1639 г. пишетъ Донское Войско Царю: «Запасы, и вино, и медъ, и быки, и бараны, и неводы, и котлы, и каюки, въ чемъ рыбу ловить, покупаючи имъ, мурзамъ (нагайскимъ), давали, а *деньги сбирали съ своей братьи Донскихъ казаковъ, себя осудя*» (Д. Д. I 981).

Ревниво оберегая пользу войсковую и государственную, Войсковой Кругъ не стѣснялся издавать законы и распоряженія, обязательные къ исполненію подъ угрозой смертной казни или лишенія казачьихъ правъ: «А которые де люди на тотъ срокъ въ Азовъ не будутъ (для обороны его отъ турокъ), а останутся на Дону и тѣхъ приговорили *грабить и побивать до смерти и въ воду метать*» (Д. Д. II 125). «А которые атаманы и молодцы верховые

(верхнедонскихъ городковъ) къ Войску въ Азовъ на помочь не пойдутъ, и тѣмъ атаманомъ и молодцамъ *въ Войску и суда не будетъ*» (Д. Д. I 810). Въ 1690 г. узнавъ, что въ верхнихъ городкахъ казаки начали заниматься землепашествомъ, Войсковой Кругъ постановилъ: «Дабы воинскимъ промысламъ помѣшки не было, если *который казакъ станетъ пахать, того бить до смерти и грабить*».

Судебная власть въ полной мѣрѣ осуществлялась Войсковымъ Кругомъ. Во всѣхъ случаяхъ чрезвычайной важности не только судъ, но и самая расправа производилась въ Войсковомъ Кругу, причемъ виновнаго, смотря по обстоятельствамъ, или поднимали на пики, посѣкали саблями, разстрѣливали, или убивали полѣньями и камнями, или же просто, порыбацки, «въ куль—да въ воду!»... Приведемъ нѣсколько характерныхъ примѣровъ. Въ 1646 году воевода Кондыревъ доноситъ Царю изъ Воронежа: «Апрѣля жъ въ 27 день, тотъ Донской атаманъ Павелъ съ Донскими казаки и съ вольными людьми *учинили себѣ кругъ*, того воразаводчика Ваську Барабанщика въ *кругу ростреляли изъ пищалей*, а Ивашка Борборскаго да Ивашка Глухово били въ кругу ослопы (дубинами) *по своему казачью обычаю*, какъ у нихъ на Дону ведетца». Въ 1637 году Войско пишетъ изъ-подъ Азова: «А мы, Государь, холопы твои, не утерпя его измѣну и за ево волшебство ихъ, что стоя подъ Азовомъ терпимъ голодъ великій и всякія нужныя скорби, того *Турскаго посла Тому Катакузина* со всѣми его людьми *побили до смерти*». Въ 1638 году донцы въ Москвѣ говорятъ: «А то де было въ нынѣшнемъ 146 году, запорожскихъ черкасъ атаманъ Матьяшъ учалъ было бунтовать, и войска было слушать не учали, и учали просить у нихъ города въ Азовѣ особнаго и наряду (пушекъ), и хотѣлъ было онъ владѣть и жить особно. И они де атаманы и казаки, поговоря межъ себя, за то черкасскаго атамана *Матьяша убили полѣньями до смерти и вкинули въ Донъ*. И послѣ того запорожскіе черкасы имъ послушны во всемъ попрежнему, а будетъ де они впредь похотятъ владѣть собою, и имъ де Войскомъ молчать не будутъ, и съ ними управяться». (Д. Д. I 706—707).

Въ Войсковомъ же кругу давалось прощеніе отдѣльнымъ преступникамъ. На Дону былъ одно время обычай отпускать при полученіи Царскаго жалованья одного или нѣскольких колодниковъ въ знакъ войсковой радости. Иногда бывали случаи, что Войсковой кругъ объявлялъ прощеніе цѣлому ряду преступниковъ или даже всѣмъ «пеннымъ» (виновнымъ) отдавалъ ихъ «пеню», т. е., другими словами даровалъ общую амнистію. Въ войсковой грамотѣ, посланной по всѣмъ донскимъ городкамъ передъ «Азовскимъ сидѣніемъ» пишется: «А чтобъ ѣхали къ войску всякіе люди—пенные и не пенные,—*а пеня имъ отдана*.

Наконецъ, всѣ вопросы внѣшней

политики и военнаго устройства, объявленіе войны, заключеніе мира, составленіе военныхъ плановъ,—все это рѣшалось на Войсковомъ Кругу. Здѣсь читались Царскія грамоты, составлялись войсковыя отписки къ Государю, допрашивались плѣнные, отправлялись посольства въ Москву, въ Крымъ, въ Турцію.

Что касается до отношенія центральнаго Московскаго правительства къ такой полнотѣ власти Войскового Круга, то оно, видимо, нисколько этимъ не тяготилось и считалось какъ съ безспорнымъ фактомъ. Такъ, когда въ 1646 году на Донъ было послано для помощи казакамъ около трехъ тысячъ набранныхъ въ южныхъ городахъ вольныхъ охочихъ ратныхъ людей, то Царь писалъ воеводѣ Кондыреву: «А велѣно вамъ тѣхъ *вольныхъ людей отдать на Дону атаманомъ и казакомъ*, и велѣно тѣмъ вольнымъ людемъ быти на Дону до нашего указу. А безъ нашего указа съ Дону не съѣзжать. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ и вы бъ Донскимъ атаманомъ и казакомъ и нашимъ вольнымъ людемъ велѣли всѣмъ быть къ себѣ и *учинитъ кругъ* и имъ сказали чтобъ они, вольные люди, намъ великому Государю служили; промышляли вмѣстѣ съ атаманы и казаки, *и были бъ съ ними у атамановъ и у казаковъ въ послушанъѣ.* А собою бъ, безъ совѣту съ Донскихъ атамановъ и казаковъ, ничево не дѣлали и самовольства никакого не чинили». (Д. Д. II 1085).

Не вмѣшивалось центральное правительство и въ судебныя функціи Войскового Круга, причемъ Царь неоднократно обращается къ Войску съ просьбой наказывать виновныхъ казаковъ по войсковому обычаю: «И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, *и вы бъ казаку* Ивашку Огарышеву за такіе буйныя ненадобныя слова *учинили наказаніе*, чтобъ ему, и инымъ на то смотря, впредь не повадно было. (Д. Д. II 808, 760 и др.).

Такая условная зависимость вольнаго казачества была, конечно, съ одной стороны, пріятна Московскому правительству, не разъ пытавшемуся наложить руку на казачьи вольности, а съ другой стороны, она же создавала возможность Москвѣ, оказывая на дѣлѣ казакамъ поддержку и помощь оружіемъ, пороховой, денежной и хлѣбной казной, на словахъ говорить иное и пользуясь плодами казачьихъ трудовъ и подвиговъ, не брать на себя отвѣтственности за ихъ дѣйствія. Всякій разъ какъ Турецкій Султанъ или Крымскій Ханъ обращались къ Москвѣ съ жалобами на дерзость казачьихъ набѣговъ, царскіе послы отвѣчали всегда однѣ и тѣ же заученныя рѣчи: «На Дону де, на Волгѣ и на Терекѣ живутъ не царскіе люди, а воры и разбойники, бѣглые холопи, и царскаго повелѣнія ни въ чемъ пе слушаютъ, а живутъ самовольно «воровскимъ»[5]) кочевымъ

[5]) Беззаконнымъ; слово «воровство» въ то время означало вообще беззаконіе, а не кражу.

обычаемъ, и хоть всѣхъ ихъ велитъ Султанское Величество перебить, то Царю это не будетъ грубно и ссориться за казаковъ Царь никакъ не станетъ.»

А въ то же время къ этимъ «ворамъ и разбойникамъ» и на Донъ, и на Волгу посылаются благословенія всероссійскаго духовнаго собора, адресованныя *«атаманомъ и казакомъ, и всему Великому Войску»*, шлются *царскія грамоты* съ похвалами за вѣрную и безкорыстную службу отечеству, царское *жалованье, знамена, иконы, церковная утварь* и проч. Въ 1613 году даже въ Константинополѣ было обращено вниманіе на неискренность московскихъ отвѣтовъ и посламъ московскимъ сказано было прямо: «Вы говорите, что *на Дону живутъ воры;* а для чего же вашъ *Государь* теперь съ вами *прислалъ къ нимъ денежное жалованье, сукна, сѣру, свинецъ и запасы».* Объ этихъ же *«ворахъ и разбойникахъ»* Котошихинъ пишетъ[6]): «И дана имъ на Дону *жить воля своя,* и начальныхъ людей межъ себя *атамановъ и иныхъ избираютъ, и судятъ во всякихъ дѣлахъ по своей волѣ, а не по царскому указу.* А кого лучится имъ *казнити за воровство* или за иные дѣла и *не за крѣпкую службу,* и тѣхъ людей, посадя на площади или на полѣ, изъ луковъ или изъ пищалей разстрѣляютъ сами; такъ же будучи на Москвѣ или въ полкахъ, *кто что своруетъ,* царскаго наказанія и казней не бываетъ, а чинятъ они межъ собой сами жъ. А какъ они къ Москвѣ пріѣзжаютъ, и *имъ честь бываетъ такова, какъ чужеземскимъ нарочитымъ людемъ.* А ежели бъ имъ воли своей не было, и они бъ на Дону служить и послушны быть не учали. *И только бъ не они, Донскіе казаки, не укрѣпились бы и не были бъ въ подданствѣ* давно за Московскимъ царемъ *Казанское и Астраханское царствы,* зъ городами и зъ землями, во владѣтельствѣ».

Можно ли послѣ этого принимать легкомысленно за истину неискреннія московскія отписки о казачьемъ «воровствѣ» и посольскія увертки, имѣющія цѣлью обмануть исконныхъ враговъ Россіи—Турецкаго Султана и Крымскаго Хана.

А между тѣмъ эти отписки и нѣкоторыя подтасованныя лѣтописныя извѣстія подали поводъ нашимъ историкамъ оклеветать славное и честное вольное казачество, смѣшавъ его съ воровскими казаками, т. е. съ обыкновенными разбойничьими шайками, расплодившимися на Руси въ Смутное Время и промышлявшими грабежемъ мирнаго русскаго населенія.

Правда тотъ же Котошихинъ говоритъ, что укрывались на Дону и разные грабители, разбойники, причемъ «бывъ на Дону хотя одну недѣлю или мѣсяцъ, а лучитца имъ съ чѣмъ-нибудь пріѣхать къ Москвѣ, и до нихъ впередъ дѣла ни-

[6]) Въ сочиненіи «О Россіи», написанномъ въ 1666—1667 годахъ (гл. IX, л. 198—199).

какова ни въ чемъ не бываетъ никому, *что кто ни своровалъ*, потому что «*Домомъ отъ всякихъ бѣдъ освобождаютца*», но вѣдь въ тѣ времена ни одно государство не выдавало бѣглецовъ, принятыхъ подъ защиту и покровительство, и никому въ голову не приходило Римскую католическую церковь называть разбойной организаціей только потому, что принятіе духовнаго званія или даже званія церковника точно также освобождало злодѣевъ отъ всякаго преслѣдованія со стороны свѣтскихъ властей. Выше же мы видѣли, что казаки сами не терпѣли въ своей средѣ воровъ и безъ жалости наказывали ихъ, не останавливаясь даже передъ смертной казнью.

Само же вольное казачество безкорыстно служило Царю и Отечеству и съ охотой клало головы свои за великихъ государей, да за вѣру христіанскую. *И кровь свою нещадно и безпрестанно лило вольное казачество «не съ вотчинъ, не съ помѣстій, а съ воды да съ травы»*, какъ неоднократно писали казаки самому Царю[7]).

Когда въ 1641 году шесть тысячъ казаковъ выдержали въ Азовѣ осаду болѣе чѣмъ двухсоттысячной турецкой арміи, то не польстились казаки на богатства, предлагавшіяся имъ за сдачу Азова. Сорокъ двѣ тысячи червонныхъ давалъ имъ турецкій главнокомандующій за уже совершенно разбитый городъ, но несмотря на тяжкія потери въ людяхъ, несмотря на совершенное изнеможеніе отъ трудовъ и лишеній, несмотря на крайній недостатокъ боевыхъ и съѣстныхъ припасовъ, казаки и не подумали сдаваться: *честь и слава казачья имъ дороже денегъ!*..

Вотъ что говорятъ о такихъ предложеніяхъ казаки въ грамотѣ своей къ Царю отъ 24-го марта 1641 года:

«И на томъ, Государь, окупу (—размѣнѣ плѣнныхъ) Крымской царь нашимъ казакомъ, которые у него были въ полону и своимъ людемъ, которые были на окупу, велѣлъ намъ, всему Донскому Войску, говорити, *чтобъ мы*, холопи твои, у него, Крымскаго царя, *взяли казну великую и нашу братью*, корые на боѣхъ взяты, *безъ окупу*, для того, *чтобъ мы ему Азовъ городъ отдали. И мы*, Государь, холопи твои, ему, Крымскому царю, *отказали*: взяли мы Азовъ городъ своимъ умышленьемъ, а не его, праведнаго Государя, повелѣньемъ, взяли своими головами и своею кровью, а головы свои складывали и кровь проливали за истинную свою православную крестьянскую непорочную вѣру и за домъ святого славнаго пророка и Предтечи Крестителя Христова Іоанна,[8]) *а на твое тлѣнно и гибнущее злато и сребро не прелыщаемся*: будетъ вамъ, Крымскому и Турецкому царемъ, Азовъ городъ надобенъ, и *вы его*

[7]) 3 декабря 1637 г. (Д. Д. I 635), 10-го сентября 1640 г. (Д. Д. II 50) и т. д.

[8]) Древній храмъ котораго былъ въ Азовѣ.

такъ же доставайте какъ и мы, своими головами и своею кровью. А мы, все Донское Войско, служимъ одному праведному и благочестивому Государю Царю и Великому Князю Михаилу Федоровичу всеа Русіи, а не вамъ, и на вашу многую казну и льстивыя безбожныя бусурманскія рѣчи не прельщаемся. *Ради мы съ вами битись и пострадати* и стояти за свою истинную православную крестьянскую вѣру, и за домъ святого славнаго пророка и Предтечи Крестителя Христова Іоанна и за праведнаго Государя Царя и Великаго Князя Михаила Федоровича всеа Русіи, *а города вамъ Азова не отдадимъ:* кому Богъ помощи подастъ, то имъ будетъ владѣти, а не такъ то сдѣлается, какъ вы хотите»...

Когда во время того же Азовскаго сидѣнія турки потеряли на первомъ приступѣ до шести тысячъ убитыми и просили у казаковъ перемирія для похоронъ мертвыхъ, предлагая выкупъ за тѣла, при чемъ за убитаго пашу давали, сколько онъ вытянетъ золота, то какой благородный отвѣтъ дали казаки!.. «Не продаемъ мы мертваго трупу на полѣ,— емлите ваши тѣла даромъ!»...

Такъ могли ли отвѣтить «воры и разбойники»?...

Правда, громили казаки турецкія суда на Черномъ морѣ, грабили и жгли города на морскомъ побережьѣ, ходили «добывать зипуны» и въ Персію, и въ Закавказье, и въ Малую Азію, и въ Крымъ, и въ Хиву, но жилъ казакъ не на средства мирныхъ жителей земли русской, а за счетъ исконныхъ враговъ своего народа, своего отечества и даже своей вѣры.

О средствахъ пропитанія вольнаго казачества Котошихинъ пишетъ: «А посылается къ нимъ на Донъ царское жалованье, денежное, негораздо по многу и невсегда; а *добываются тѣ казаки* на Дону *на всякихъ воинскихъ* промыслахъ *отъ Турскихъ людей,* горою и водою, также *и отъ Персицкихъ людей и отъ Татаръ и отъ Калмыковъ*; и что кто гдѣ на воинскомъ промыслу ни добудутъ дѣлятъ всѣ межъ собою по частямъ, хотя кто и не былъ. Да къ нимъ же, Донскимъ казакомъ, изъ Казани и изъ Астрахани посылается хлѣбное жалованье, чѣмъ имъ мочно сытимъ быть; а иные сами на себя промышляютъ».

Еслибы воры и разбойники жили на Дону, то не ходили бы купцы съ разными запасами изъ Руси и Литвы въ казачьи городки. Да не только русскіе,—и бусурманскіе купцы изъ Кафы, изъ Азова, изъ Темрюка, приходили на Донъ торговать своими товарами въ короткіе дни мира.

Да и можно ли ставить казакамъ въ вину ихъ былое легкое отношеніе къ чужой собственности, благодаря которому сложились въ казачьей средѣ поговорки: «Наши ребята что телята,—на что глянутъ, то и тянутъ», «У нашихъ казаковъ обычай таковъ: поцѣловалъ куму,—такъ и губы въ суму!» и т. п. если такія же воззрѣнія на захватное право господствовали въ «культурныхъ и цивилизованныхъ» гер-

манскихъ государствахъ того времени, гдѣ сложилась еще болѣе откровенная поговорка: «Räubern ist keine Schande,—das thun die besten im Lande» («Грабить нѣтъ никакого стыда,—это дѣлаютъ знатнѣйшіе люди въ странѣ»). А вѣдь казаки считали великимъ позоромъ грабить и воровать *у своихъ* и за такое воровство безпощадно убивали до смерти.

Не для наживы, а на тяжелый трудъ и славный подвигъ стекались отважные удальцы на «запольныя» рѣки. Шли они «изъ работы невольныя и холопства вѣчнаго» на добровольный трудъ, на опасную, но зато свободную жизнь, готовые погибнуть за Святую Русь и положить животъ свой за други своя. Что думали казаки, на что надѣялись и во что вѣрили, хорошо выражено въ слѣдующихъ словахъ казачьей пѣсни о смерти атамана Ермака, покорителя Сибири.

«Кто жизни не щадилъ своей,
«Въ разбояхъ злато добывая,
«Тотъ думать станетъ ли о ней,
«За Русь Святую погибая?!...
«Своей и вражьей кровью смывъ
«Всѣ преступленья буйной жизни,
«Мы за побѣды заслужимъ
«Благословенія отчизны ..
«Намъ смерть не можетъ быть страшна,—
«Свое мы дѣло совершили:
«Сибирь Царю покорена,—
«И мы не праздно въ мірѣ жили»...

Въ 1638 г. Войско Донское, созывая передъ близкой осадой всѣхъ казаковъ изъ верхнихъ городковъ въ Азовъ на «сидѣніе», не обѣщаетъ, въ случаѣ удачи, добычу великую, а уговариваетъ всѣхъ крѣпко стать братъ за брата, не перевести на нѣтъ былые труды и подвиги, не посрамить славы своей молодецкой!... «И чтобъ вамъ, атаманомъ и молодцомъ верховымъ, попомнить престолъ Ивана Предотеча, и православную крестьянскую вѣру, и государеву къ себѣ милость», говоритъ войсковая грамота[9]) *и свою атаманскую и молодецкую славу не потерять*, ѣдьтя въ Азовъ къ войску днемъ и ночью немалыми людьми, а въ городкахъ небольшихъ людей оставливайтя, а съѣзжайтясь городковъ пять и шесть въ одно мѣсто съ семьями, чтобъ остальцы жили съ великимъ береженьемъ съѣхавшись въ одно мѣсто... Вѣдаете вы и сами, какъ вы приходили изо всѣхъ рѣкъ казачьева присуду Азова достигать, и милостію Божію и великаго въ пророцѣхъ Ивана Предотеча и государскимъ счастьемъ, Азовъ городъ вамъ, атаманомъ и молодцомъ, всему великому Войску Донскому Богъ поручилъ. *А нынѣ бъ намъ бусорманскіе вѣры не посмѣялись*, а за домъ Ивана Предотеча и за истинную, непорочную крестьянскую вѣру стоять, Азоваб городa не подать, *а государскому имени бъ въ иныхъ земляхъ поношенья не было. и своей атаманской и молодецкой славы не потеряйте!* Всѣ земли нашему казачьему житью завидовали, а нынѣ мы—тока свою *казачью славу* потеряемъ?!»... Знала и Москва,

[9]) Дон. дѣла I 810.

что все готовы снести и вытерпѣть казаки, лишь бы только славы своей не потерять, а потому и Царь въ своей грамотѣ къ Войску отъ 30-го августа 1643 года пишетъ (Дон. Дѣла, II 465) «и вы бъ, атаманы и казаки, Намъ, Великому Государю, и впредь служили ...*и съ старыхъ своихъ мѣстъ, съ Дону, не сходили, тѣмъ бы прежней своей славы и чести не теряли»*...

Твердо и непоколебимо стояли казаки за Вѣру, Царя и Отечество, за честь и славу казачью, не уступая ни пяди занятой земли, не зная страха передъ грознымъ врагомъ, не смущаясь потоками лившейся крови. И по всему свѣту прогремѣла слава казачья, и донынѣ еще не померкла она, и одно только имя казака заставляетъ содрогаться сердца враговъ земли русской и Царя православнаго!...

IV. Казаки Западные—Днѣпровскіе.

Образованіе Днѣпровскаго казачества. Основаніе Запорожской Сѣчи. Реестровые казаки. Охочекомонные полки. Постепенное развитіе Малорусскаго казачества. Отношеніе его къ государственной власти. Отличительныя черты Западнаго казачества.

Къ началу XVI вѣка Кіевская Русь (Волынь, Подолія и Поднѣпровье) входила въ составъ Великаго Княжества Литовскаго. Литовская степная «украйна», какъ и Московская, терпѣла постоянныя разоренія отъ хищныхъ татарскихъ ордъ, налетавшихъ на Русь изъ крымскихъ степей, и Литовскому государству также приходилось принимать всѣ возможныя мѣры къ охранѣ своей южной границы. Подобныя причины всегда порождаютъ и одинаковыя послѣдствія, а потому и въ западной (Малой) Руси мы также встрѣчаемся съ казачествомъ, которое и здѣсь принимаетъ двѣ тѣ же основныя формы—*городовые полки и вольная община.*

Однако, разсматривая вопросъ о возникновеніи казачества въ Западной Руси, мы легко замѣтимъ, что развитіе Днѣпровской вольной общины уже съ самаго начала идетъ совершенно инымъ путемъ.

Въ то время какъ въ Руси Восточной вольныя общества зарождаются сами собой и первоначальное ихъ развитіе, устройство и обычаи слагаются внѣ всякаго воздѣйствія со стороны государственной власти, которая только съ теченіемъ времени, по мѣрѣ своего усиленія и роста, прибираетъ казаковъ къ рукамъ, —на западѣ дѣло идетъ совсѣмъ обратнымъ порядкомъ: основаніе Запорожью кладется самимъ правительствомъ въ пору его наибольшей

силы, а затѣмъ, по мѣрѣ ослабленія центральной власти и расшатыванія государства отъ той же злосчастной борьбы за власть, первоначально государственное учрежденіе начинаетъ обособляться, становится во враждебное отношеніе къ государству, а затѣмъ, окончательно окрѣпнувъ, вступаетъ съ нимъ въ борьбу и выходитъ изъ этой борьбы побѣдителемъ.

Въ началѣ XVI вѣка нападенія Крымцевъ на Литву стали дѣлаться все грознѣе и опустошительнѣе. Въ 1506 году Польша принуждена была даже согласиться платить Крымскому хану ежегодную дань въ 15000 червонцевъ. Но не помогало и это: и здѣсь надо было силѣ противопоставить только силу...

И вотъ, когда въ 1511 г. для обсужденія вопроса о защитѣ отъ Крымцевъ былъ созванъ въ гор. Піотрковѣ большой сеймъ,[1]) то воевода Дашковичъ, незадолго передъ тѣмъ (въ 1504 г.) побывавшій въ Москвѣ, гдѣ онъ, конечно, имѣлъ полную возможность ознакомиться съ порядками «береговой и станичной службы,» предложилъ собранію организовать передовую охранную линію въ низовьяхъ Днѣпра. «Необходимо для сего,» сказалъ онъ, «*учредить дѣятельную стражу* только изъ двухъ тысячъ воиновъ. Они могли бы разъѣзжать на малыхъ судахъ и лодкахъ *между днѣпровскими островами и порогами*, препятствуя переправѣ татарской. Для прикрытія сей стражи острова слѣдуетъ укрѣпить, а для доставленія ей жизненныхъ припасовъ нужно не болѣе 500 всадниковъ.»

Надо полагать, что въ ту пору за порогами, въ Низу и по Великому Лугу еще не было никакихъ казачьихъ организацій, а если и попадались тамъ одиночные удальцы, промышлявшіе охотой и рбыловствомъ, то они, видимо, не представляли сколько-нибудь значительной силы, иначе Дашковичъ не обошелъ бы ихъ молчаніемъ, внося предложеніе объ учрежденіи не иного чего, какъ столь прославившейся впослѣдствіи Запорожской Січи.

Сеймъ съ одобреніемъ отнесся къ проекту Дашковича и постановилъ содержать на Низу четырехтысячное войско, на вооруженіе и содержаніе котораго собрать особый земельный налогъ, въ первый годъ по 18 грошей съ десятины, а въ слѣдующій по 12-ти. Это войско должно было охранять Подолію. Устройство всей этой пограничной стражи поручено было тому-же Дашковичу, который дѣятельно принялся за осуществленіе своего великаго, какъ оказалось, плана. Именно этимъ-то обстоятельствомъ и объясняется, что въ запорожскомъ внутреннемъ строѣ, быту и порядкахъ съ первыхъ же шаговъ бросаются въ глаза черты военнаго устройства какъ древнихъ государствъ Рима и Спарты, такъ и позднѣйшихъ рыцарскихъ орденовъ.

---

[1]) Польско-Литовское государство управлялось королями, зависѣвшими отъ рѣшеній сеймовъ,—собраній народныхъ представителей.

Повидимому, эти четыре тысячи воиновъ содержались въ Запорожьи не постоянно; а раздѣленныя на двѣ части поочередно смѣняли другъ друга, потому что еще даже въ 1532 году запорожцевъ въ Низу насчитывалось только около двухъ тысячъ человѣкъ. Такимъ образомъ уже съ самаго начала казачество Днѣпровское дѣлится на два разряда: служащіе на самомъ кордонѣ и состоящіе дома на учетѣ, на льготѣ, подобно тому какъ и нынѣ казачьи первоочередныя части содержатся на Персидской, Турецкой и иныхъ границахъ, а отбывшіе свой срокъ проживаютъ дома до того времени, пока обстоятельства не призовутъ и ихъ подъ знамена.

Уже съ 1516 года запорожцы съ Дашковичемъ во главѣ начинаютъ показывать свою дѣятельность. Болѣе 1200 удальцовъ совершаютъ набѣгъ на турецкія владѣнія, доходятъ до Бѣлграда (Акъ-Кермана), разбиваютъ встрѣчные татарскіе отряды и отгоняютъ въ свой «острогъ»,—«Січь»,—до 500 лошадей и до 3000 головъ скота.

Съ теченіемъ времени все дальше и дальше распространяется кругъ дѣятельности запорожцевъ, все смѣлѣе и опустошительнѣе становятся ихъ набѣги.

Въ 1515 и въ 1521 годахъ Дашковичъ съ запорожцами воюетъ противъ Москвы въ составѣ Крымскаго войска, что однако нисколько не помѣшало ему вскорѣ дважды (въ 1522 и 1523 годахъ) вторгнуться въ Крымъ и разгромить его, дѣйствуя совмѣстно съ ногайцами. Эти походы кладутъ начало будущей неустойчивости запорожской политики: образованное собственно для борьбы съ Крымомъ запорожское войско, по требованію враждебной Москвѣ Польши, не разъ совершаетъ набѣги на московскія украйны и въ союзѣ съ бусурманами льетъ неповинную братскую христіанскую кровь.

Почти одновременно съ учрежденіемъ Запорожья возникаетъ *литовское городовое казачество—казаки реестровые.* Вскорѣ же послѣ Піотрковскаго сейма обнаружилось съ полной ясностью, что стража поставленная на Низу можетъ прикрывать Украйну только отъ прорыва мелкихъ шаекъ и партій, для борьбы же съ значительными отрядами она недостаточно сильна, и единственно чѣмъ можетъ служить, такъ это только своевременнымъ извѣщеніемъ населенія о походѣ непріятеля. Необходимо было прибѣгнуть къ организаціи вооруженныхъ силъ и внутри страны. Въ этихъ видахъ польское правительство рѣшило воспользоваться воинственными наклонностями украинскаго населенія и сформировать изъ него милиціонное войско.

Устройство этой милиціи было поручено гетману [2]) Рожинскому. Онъ учредилъ, около 1514 года, двадцать мѣстныхъ полковъ по 2000 казаковъ въ каждомъ. Полки эти

[2]) Командующему войсками въ Малороссіи.

дѣлились на сотни. Какъ тѣ, такъ и другія получали свои наименованія по городамъ и мѣстечкамъ: «Кіевскаго полка Кіевская сотня» и т. д. Во главѣ полковъ и сотенъ стояли Полковники и Сотники, которые, будучи разъ выбраны, какъ и прочая «старшина» полковая и «генеральная» (обще-войсковая), «товариствомъ» (т. е. старшинами же) и «громадою» (общеказачьей массой), оставались въ своихъ должностяхъ впредь до смерти или до избранія въ высшій чинъ и на прокормленіе себѣ получали «ранговыя маетности», т. е. деревни крестьянъ, мельницы и др. имѣнія, принадлежавшія не личности, а «рангу»—должности, чину.

Всѣмъ малороссіянамъ, зачисленнымъ въ казаки этихъ милиціонныхъ полковъ, былъ составленъ именной списокъ—«*реестръ*», почему они и получили названіе «реестровыхъ» (списочныхъ казаковъ). Половина казаковъ должна была быть конная для дѣйствій въ полѣ, а половина пѣшая для обороны городовъ, мѣстечекъ и замковъ. Одежда и вооруженіе ихъ было однообразное, но заготовлялось на собственный счетъ; конница вооружена была ружьями, пистолетами, саблями и копьями, пѣхота—ружьями, копьями и кинжалами. Въ походахъ реестровые казаки получали отъ казны жалованье, а въ случаѣ продолжительной войны и нѣкоторую одежду. Въ мирное время казаки питались отъ своихъ трудовъ: занимались хозяйствомъ, ремеслами, торговлей. Отбывая службу государству лично въ составѣ вооруженныхъ силъ, казаки освобождались отъ всѣхъ прочихъ налоговъ и повинностей, а также и отъ барщины, которую отбывало «поспольство»—простой народъ.

Однако уже при первой организаціи народныхъ массъ въ вооруженныя силы оказалось въ наличности не малое число охотниковъ—«гультяевъ», не вошедшихъ въ реестръ, но чувствовавшихъ влеченіе къ военной службѣ. Чтобы использовать ихъ на дѣло государственной обороны, были образованы полки *охочекомонныхъ* (конныхъ охотниковъ) казаковъ. Эти полки поступили подъ начальство особымъ, назначаемымъ Гетманомъ, полковникамъ, по именамъ которыхъ и назывались. Число охочекомонныхъ полковъ мѣнялось въ зависимости отъ войны и мира, опускаясь до пяти и поднимаясь до двадцати, а иногда и болѣе полковъ.

Такова была первоначальная организація малорусскаго казачества, съ теченіемъ времени претерпѣвшая длинный рядъ измѣненій.

Прибѣгнувъ въ минуту нужды къ такой чрезвычайной мѣрѣ какъ учрежденіе постоянной народной милиціи, польско-литовское правительство, по мѣрѣ того какъ опасность турецкаго и татарскаго нашествія становилась все менѣе грозной и вѣроятной, начинаетъ подозрительно относиться къ казачеству, страшась той силы, которой само же создало стройную организацію. Въ 1569 году Литва и Польша окончательно

соединяются въ одно государство и при учрежденіи новыхъ порядковъ казачьи полки поступаютъ подъ начальство особаго «казачьяго старшого», непосредственно подчиненнаго коронному гетману. Спустя нѣсколько лѣтъ (въ 1576 г.), польскій король Стефанъ Баторій принимаетъ уже болѣе рѣшительныя мѣры по отношенію къ казачеству: онъ уменьшаетъ реестръ до 6000 человѣкъ. Эта мѣра приводила къ тому, что болѣе 30000 реестровыхъ казаковъ лишились казачьихъ правъ и привиллегій, обращаясь въ «посполъство» и рискуя попасть затѣмъ въ холопы къ польскимъ помѣщикамъ.

Впрочемъ мѣры эти приводятъ совсѣмъ не къ тѣмъ послѣдствіямъ, которыхъ ожидалъ Баторій. Недовольство въ Украйнѣ достигаетъ высшей степени напряженія. Лишенные правъ реестровые толпами бѣгутъ на «Низъ», въ Запорожье и тѣмъ только способствуютъ ускоренію начавшагося уже созданія запорожской независимости. Баторій принимаетъ (въ 1579 и слѣд. годахъ) безплодныя попытки обуздать своеволіе запорожцевъ, но это приводитъ только къ тому, что въ 1589 году въ Запорожскомъ «Кошѣ» насчитывается уже около 20000 казаковъ. Они сами избираютъ себѣ кошевого атамана, вопреки всѣмъ запретамъ короля польскаго. Успѣхи казацкихъ набѣговъ къ тому времени создаютъ уже такую славу запорожскому оружію, что въ 1594 году императоръ австрійскій Рудольфъ II завязываетъ съ ними непосредственныя дипломатическія сношенія: Императорскій посолъ Эрикъ Лассота является въ Січъ съ предложеніемъ союза для дѣйствій противъ Турціи.

Такимъ образомъ къ концу XVI в. Запорожье совершенно освободилось отъ подчиненія польскому правительству. Но зато, если когти и зубы Днѣпровскаго казачества вышли изъ-подъ власти Польшѣ, все же тѣло его и хвостъ оставались по прежнему въ польскихъ рукахъ. И вотъ, въ отместку за освобожденіе Запорожья, на реестровыхъ казаковъ начинаетъ сыпаться цѣлый рядъ ограничительныхъ мѣръ и притѣсненій. Сеймъ 1590 года прямо ставитъ вопросъ объ обузданіи казаковъ и въ этихъ видахъ лишаетъ ихъ избирательныхъ правъ. Старшина казачья, не исключая и сотниковъ, уже назначается короннымъ гетманомъ изъ польской шляхты (дворянства). Эти мѣры еще болѣе усиливаютъ общее недовольство казачества. Украйна начинаетъ волноваться, и въ 1592 году вспыхиваетъ первое возстаніе Малороссіи противъ Польши. Возстаніе это оказывается неудачнымъ, и зачинщикъ его гетманъ (изъ польской же шляхты) Косинскій предается казни.

Хотя первоначальное устройство Днѣпровскаго казачества создавалось, очевидно, по примѣру Московской украйны, однако уже съ первыхъ шаговъ обнаруживается большая разница въ ходѣ развитія за-

падной вѣтви казачества, вызывающаяся особенностями польско-литовскаго государственнаго строя.

Двѣ рѣзкихъ черты отличаютъ Днѣпровскихъ казаковъ отъ ихъ восточныхъ собратій.

Въ то время какъ вольныя казачьи общины Востока, уже съ самаго возникновенія своего, были совершенно независимы отъ казачества городового, Днѣпровскіе казаки, хотя и дѣлятся на свободныхъ запорожцевъ и на городовыхъ— реестровыхъ, все-же представляютъ изъ себя одну массу, одно тѣло, подобно тому какъ въ наши дни первоочередные полки составляютъ одно цѣлое съ казаками, живущими на льготѣ въ станицахъ того же полкового округа. Казаки то живутъ у себя дома по городамъ, селамъ, хуторамъ и мѣстечкамъ, то идутъ «погуляти» на Великій Лугъ, «славы залучати»... А совершивъ рядъ цѣлый удалыхъ походовъ, поразмыкавъ по степному ковылю свою силу буйную, возвращаются они снова въ родныя хаты къ своему семейству, гдѣ вѣрныя жены, окруженныя ребятишками, ведутъ ихъ незатѣйливое хозяйство. Женщины не допускаются въ Запорожскую Січь. Она не столица новаго народа или государства, а только военный станъ, укрѣпленный лагерь.

Совсѣмъ не то на Дону, Волгѣ, Яикѣ, Терекѣ!.. Идя на «запольныя» рѣки, вольный казакъ бросалъ все на своей прежней родинѣ разъ на всегда и не возвращался ужъ больше къ покинутому роду-племени. Совершенно новую жизнь начиналъ онъ въ далекихъ вольныхъ городкахъ, гдѣ обзаводился новой женой, новой домашностью.

Отсюда ясно, что и въ общественно-правовомъ отношеніи и,—что особенно надо отмѣтить,—въ хозяйственно-экономическомъ казачество западное и восточное находилось въ существенно различныхъ условіяхъ.

Другой отличительной чертой является сословность, духомъ которой проникнуто западное казачество отъ начала до конца. Здѣсь каждый казакъ разнится отъ окружающихъ его представителей другихъ сословій, неся совершенно другія обязанности и пользуясь совершенно особыми правами. Казачество въ Польско-Литовскомъ государствѣ является только среднимъ, полудворянскимъ-полукрестьянскимъ сословіемъ, совершенно въ родѣ великорусскихъ однодворцевъ,—и ничѣмъ другимъ. Посполъство всякими путями стремится попасть въ казаки, а казаки, въ свою очередь, всѣми правдами и неправдами стараются проникнуть въ ряды шляхетства.

И опять-таки совсѣмъ не то на Востокѣ. Правда, московское городовое казачество тоже представляетъ изъ себя что-то въ родѣ сословія, хотя и не вполнѣ: помѣстные уѣздные казаки мало чѣмъ разнятся отъ дѣтей боярскихъ, а безмѣстные полковые почти не отличаются отъ конныхъ и пѣшихъ

стрѣльцовъ, съ которыми впослѣдствіи и сливаются окончательно. Что же касается до вольныхъ казачьихъ общинъ, то въ нихъ мы на первыхъ же порахъ наталкиваемся, какъ это было указано въ предыдущей главѣ, на ясно выраженную и послѣдовательно проведенную въ жизненный обиходъ *полную безсословность*. Всѣ казаки равны между собой, и особыми правами пользуются только должности, а не лица. Нѣтъ у нихъ ни пановъ ни простолюдиновъ, ни князей, ни холоповъ. Всѣ они братья, всѣ—атаманы и казаки. Вчерашній казакъ становится станичнымъ, походнымъ или даже войсковымъ атаманомъ, а завтра опять возвращается въ первобытное состояніе и дѣлается снова рядовымъ казакомъ, какъ и былъ прежде.

И только лишь впослѣдствіи (въ XVIII и, особенно, въ XIX вѣкахъ) искусственно со стороны вносится въ казачество сословная рознь, создается пожизненная старшина, начавшая борьбу съ остальной казачьей массой и въ этой борьбѣ погубившая былыя казачьи вольности и права.

Къ концу же XIX вѣка казачество уже цѣликомъ превращено въ своего рода сословіе, хотя все-таки еще и въ наши дни живы въ сознаніи народномъ остатки прежней безсословности: и генералъ, и чиновникъ, и урядникъ, и рядовой всѣ дома въ станицѣ и теперь еще равные братья казаки; и если даже по законамъ въ настоящее время казаки могутъ принадлежать или не принадлежать къ другимъ сословіямъ, — дворянскому, духовному, купеческому и т. д., и даже имѣть титулы князей, графовъ и т. п., значитъ еще и донынѣ казачество представляетъ изъ себя не сословіе, не воинскую касту, какъ это думаютъ и говорятъ многіе по незнакомству со строемъ казачьей жизни, а своеобразный, только на русской почвѣ создавшійся всесословный общественно-экономическій союзъ, въ качествѣ котораго каждое казачье войско владѣетъ землями, водами, капиталами, пользуется особыми правами и несетъ предъ государствомъ особыя обязанности.

V. Казачьи походы.

Казаки и басурмане. Походы Гетмана Богдана 1576–1578 г.г. Азовское сидѣніе 1641 г. Морскіе набѣги Донцовъ и Запорожцевъ. Казаки на Каспіи.

Вторая половина XVI вѣка и весь XVII—время наибольшаго развитія казачьихъ силъ. Въ эти полтораста лѣтъ казачество растетъ, крѣпнетъ, вырабатываетъ свой строй, завоевываетъ себѣ положеніе крупной государственной силы и совершаетъ длинный рядъ изумительныхъ подвиговъ, создавшихъ казачеству ту громкую боевую славу, которой оно пользуется и донынѣ.

Героическая отвага, безшабашная удаль и безумная храбрость казачьихъ набѣговъ XVI—XVII в. в. превосходитъ всякое вѣроятіе.

На своихъ утлыхъ челнахъ [1]) казаки совершали лихіе набѣги на отдаленнѣйшіе берега Чернаго и Каспійскаго морей. Не страшили казаковъ ни морскія «хуртины», ни многопушечные турецкіе корабли. Вооруженные только ружьями и саблями, они смѣло налетали на турецкія «бусы-галеры», [2]) брали ихъ на абордажъ, истребляли всѣхъ сопротивлявшихся, а томившихся на каторгахъ [2]) плѣнниковъ-христіанъ отпускали на свободу.

[1]) Казачьи «струги» (у запорожцевъ «чайки» или «дубы», въ старину «однодревки») имѣли 6—8 саж. длины, а ширины всего отъ 1 саж. до 1½.

[2]) Галерами или каторгами назывались большіе военные корабли, ходившіе на веслахъ. Бусы—морскія торговыя суда.

Уже съ самаго начала казачества мы замѣчаемъ въ немъ большую связь по фронту, чѣмъ въ глубину. Для общаго дѣла борьбы съ мусульманскимъ востокомъ собираются казаки съ разныхъ вольныхъ рѣкъ вмѣстѣ и заодно предпринимаютъ свои сокрушительные набѣги: по Черному морю шныряютъ донцы и запорожцы, вмѣстѣ грабятъ они турецкія суда, вмѣстѣ «шарпаютъ берега» Анатоліи, вмѣстѣ воюютъ Крымъ. Какъ Черкасы (запорожцы) на Дону, такъ и Донцы въ Запорогахъ свои люди. Донъ становится колыбелью всего казачества. Здѣсь объединяются всѣ казацкія силы Запада и Востока. Постоянные гости на Дону и казаки Волжскіе, Яицкіе, Гребенскіе. Вмѣстѣ ходятъ они на Каспійское море, въ Персію, въ Закавказье.

Воюетъ каждое казачье войско и ближайшихъ своихъ сосѣдей-враговъ; Запорожцы—Буджакъ и Крымъ; Донцы—Крымъ, Азовъ, Кубанскихъ черкесъ и Ногаевъ; Гребенцы—Черкесъ, Кабарду, Ногаевъ, Калмыковъ и Кумыковъ; Яицкіе казаки—Хиву, Бухару, Киргизъ и др. степныхъ кочевниковъ; сибирцы—«чукчей и олюторовъ», якутъ, бурятъ и т. д.

Всѣмъ бусурманамъ достается отвѣдать на себѣ безшабашной казачьей удали. Все чаще и настойчивѣе слышатся жалобы турокъ,

крымцевъ, ногайцевъ на казачьи набѣги. Безъ этихъ жалобъ не обходятся ни встрѣча, ни проводы рускихъ пословъ въ Крыму, Кафѣ, Азовѣ, Царь-городѣ.

Около 1550 г. Турецкій Султанъ пишетъ ногайскимъ князьямъ: «Въ нашихъ бусурманскихъ книгахъ пишется, что русскаго Царя Ивана лѣта пришли; рука его надъ бусурманами высока; уже мнѣ отъ него обиды великія: поле все и рѣки отъ меня поотнималъ. Донъ у меня отнялъ, въ Азовѣ поотнималъ всю волю: *Казаки его съ Азова оброкъ берутъ*, воды изъ Дону пить не дадутъ. А Крымскому царю также обиду дѣлаютъ великую: *Перекопъ воевали*. Русскіе же *казаки Астрахань взяли обѣ берега Волги отняли* и ваши улусы воюютъ. Какъ вы за это стоять не умѣете? Казань теперь какъ воюютъ! А въ Казани вѣдь наша же вѣра бусурманская. И всѣ мы, бусурмане, сговорились: станемъ отъ Русскаго Царя борониться заодно».

Однако всѣ эти «бусурманскіе сговоры» ни къ чему не приводили. Не помогали и вѣчныя жалобы Царю Московскому, сопровождавшіяся просьбой свести казаковъ съ Дона и съ Терека. Не надѣялись бусурманы ни на быстроходные карабли свои, ни на лучшее вооруженіе, ни на сильныя крѣпости. Князья и мурзы крымскіе говорятъ хану: «Если придетъ много людей на судахъ, то *города ихъ не остановятъ. Вѣдь казакъ — собака*: когда и на корабляхъ приходятъ на нихъ турецкіе стрѣльцы, то они и тутъ ихъ побиваютъ и корабли берутъ.

Оно и понятно! Въ бою не жалѣли казаки своихъ головъ, но зато потоками лилась бусурманская кровь. И только благодаря невѣроятной храбрости казаковъ, ихъ безшабашной удали создалась та слава казачья, которая заставляла врага дрожать уже при одномъ только имени казака. Казаки пришли — значитъ все погибло! спасайся кто можетъ, а о сопротивленіи нечего и думать... Нечего и на милость расчитывать! Кафа, Козловъ, Очаковъ, Синопъ, Трапезондъ, даже самъ Царьградъ вѣчно трепетали подъ угрозой казачьихъ набѣговъ.

Совершали казаки и сухимъ путемъ блестящіе походы въ глубину бусурманскаго края. Особенно успѣшенъ былъ походъ гетмана Богдана и есаула Нечая въ 1576—1578 годахъ, когда казачья армія побѣдоносно прошла сухимъ путемъ вокругъ всего Чернаго моря. Пославъ есаула Нечая на лодкахъ съ 5000 запорожцевъ, гетманъ Богданъ съ остальнымъ войскомъ двинулся прямо на Крымъ. Разгоняя встрѣчные передовые татарскіе отряды, онъ уже приближался къ Перекопу, когда навстрѣчу казакамъ выступилъ ханъ Давлетъ - Гирей со всѣми крымскими силами. Произошло жестокое кровопролитное сраженіе. Болѣе часа шла орудійная пальба. Татары пустили въ дѣло свой резервъ—панцырныхъ всадниковъ, но, истощивъ всѣ усилія, ничего не достигли. Казаки, ободренные неудачей противника, съ новой рѣшимостью ударили на врага,

потѣснили его и обратили въ бѣгство. Разгромивъ крымцевъ, перебивъ и перетопивъ въ морскомъ заливѣ цѣлыя тысячи враговъ, казаки подступили къ стѣнамъ Перекопа. Конница обошла Перекопскіе валы и рвы по водѣ съ фланга, ударила въ тылъ защитникамъ. Перекопъ былъ взятъ: гарнизонъ упорно сопротивлявшійся, вырѣзанъ, укрѣпленія разрушены, а городъ преданъ пламени.

Отъ Перекопа гетманъ поспѣшилъ противъ Кафы, которую уже обложилъ съ моря Нечай. Недолго продержалась Кафа, — рѣшительнымъ приступомъ казаки овладѣли городомъ, не ожидавшимъ опасности съ суши. Изъ Кафы казаки пошли на Бахчисарай и Козловъ, куда двинулся моремъ и Нечай. Видя неминуемую гибель, ханъ попросилъ мира. Гетманъ не сталъ бить лежачихъ: освободивъ всѣхъ христіанъ, томившихся въ крымской неволѣ, онъ съ богатой добычей вернулся въ Малороссію, чтобы на слѣдующій годъ съ новыми силами нанести ударъ уже самому оплоту мусульманства—Турціи.

Отправивъ Нечая опять моремъ съ 3000 запорожцевъ, гетманъ Богданъ съ сухопутнымъ коннымъ и пѣшимъ войскомъ прошелъ Крымскія и Донскія степи, переправился черезъ Кубань въ земли черкесовъ, признававшихъ надъ собой главенство Турціи, и предалъ огню и мечу все черноморское побережье. Нечай дѣятельно содѣйствовалъ съ моря успѣху сухопутной арміи. Все сокрушая и опустошая па своемъ пути, казаки прошли Кавказъ, разграбили цвѣтущія поселенія въ окрестностяхъ Трапезунда и Синопа и по всему побережью Анатоліи до самаго Константинополя. Казаки все-таки не рѣшились штурмовать столицу мусульманскаго міра и, ограничившись опустошеніемъ ея окрестностей, прошли далѣе чрезъ Европейскую Турцію, радушно встрѣчаемые единовѣрными и единоплеменными болгарами. Уничтожая на всемъ пути турокъ, захватывая ихъ крѣпости и города, казачье войско со славою и несмѣтной добычей возвратилось къ родимымъ очагамъ.

И такой блестящій походъ совершили казаки въ то время, когда вся Европа трепетала передъ грозой непобѣдимаго турецкаго оружія. Ужъ одного этого подвига было бы достаточно, чтобы обезсмертить казачью славу въ памяти потомства, даже если-бы казаки не совершали всѣхъ остальныхъ своихъ безчисленныхъ и безпрерывныхъ набѣговъ.

Ежегодно, не сухимъ путемъ, такъ моремъ, ходили казаки, то побуждаемые «нуждою великою, голодомъ и холодомъ» зипуновъ добыть, то достать «языка» (плѣннаго) «для подлиннаго вѣдомства и прямыхъ вѣстей», а то и просто ратному дѣлу поучиться, «пороху понюхать». И теперь еще среди казаковъ держится пословица: «Какая жъ кума, коль у кума не была,—какой же казакъ, коль пороху не нюхалъ».

Казачество само заботилось о развитіи казачьей удали, силы и храбрости. Кромѣ войны, рыболовства да охоты, казакъ знать не хо-

тѣлъ другихъ занятій. Вспомнимъ приведенное выше (гл. IV) постановленіе Донского войскового круга о преданіи смертной казни казаковъ-землепашцевъ, «дабы воинскимъ промысламъ помѣшки не было». Казачьи городки держались не крѣпостью стѣнъ своихъ, а только мужествомъ защитниковъ. Хоть небогаты и незатѣйливы были городки казачьи, такъ какъ не строили себѣ казаки хоромъ высокихъ да украшенныхъ, «дабы не игралъ на нихъ глазъ вражескій», все-же до послѣдней капли крови стояли казаки и за свои «щепки».

Впрочемъ, охотнѣе бились они въ широкомъ морскомъ или степномъ просторѣ. «Мы не городоемцы, не горододержцы», говорили донцы Московскому Царю, прося принять отъ нихъ въ даръ взятую у турокъ сильную крѣпость Азовъ. «А взяли мы его», говорили они, «для опыту: посмотримъ де, что за турскіе люди въ городѣхъ сидятъ; и въ осаду въ немъ сѣли для опыту-жъ, посмотримъ мы турецкихъ умовъ и промысловъ». А между тѣмъ и Азовское взятіе 1637 года и, особенно, Азовское осадное сидѣніе 1641 года, о которомъ такъ шутя отзываются сами герои-казаки,—все дѣла небывалыя и не имѣющія себѣ равныхъ въ лѣтописяхъ военныхъ подвиговъ.

Когда казачьи набѣги къ началу XVII вѣка достигли своего наибольшаго развитія, турецкое правительство озаботилось обращеніемъ стоявшаго въ низовьи Дона города Азова въ сильную крѣпость, дабы запереть выходъ изъ Дона въ море. Какъ бѣльмо на глазу сталъ казакамъ Азовъ, лежавшій всего въ 30 верстахъ отъ нижняго казачьяго городка. И вотъ начинается борьба за обладаніе Азовомъ, борьба поглотившая тысячи жертвъ съ обѣихъ сторонъ и закончившаяся уже только вторымъ Азовскимъ походомъ Петра Великаго.

Еще въ 1634 году Донцы и Запорожцы подступили къ Азову, бомбардировали его, разрушили во многихъ мѣстахъ стѣну и едва его не взяли, такъ какъ только совершенный недостатокъ въ огнестрѣльныхъ припасахъ принудилъ ихъ отказаться отъ мысли о штурмѣ и отступить.

Наконецъ, въ началѣ 1637 года, порѣшили казаки покончить съ Азовцами, «учинить промыселъ надъ Азовомъ» и отнять его у турокъ. Чувствуя однако недостатокъ въ огнестрѣльныхъ припасахъ и не надѣясь, что Москва пришлетъ эти припасы для наступательныхъ дѣйствій, казаки пускаются на хитрость. Отправляютъ они въ Москву посольство во главѣ съ атаманомъ Иваномъ Каторжнымъ съ грамотою къ Царю, въ которой, между прочимъ, пишутъ: «въ прошлыхъ во многихъ годахъ была твоя государская къ намъ, холопамъ твоимъ, милость, жалованье денежное, и сукна, и запасы всякіе, а въ прошломъ 1636 году твоего жалованья не было, а мы помираемъ голодною смертью, а взять, кромѣ твоей государской милости, негдѣ. Многія орды на насъ похваляются, хотятъ подъ наши казачьи городки войною

приходить и наши нижніе казачьи городки разорить, а у насъ свинцу, ядеръ и зелья (пороху) нѣту...» Такимъ образомъ, не раскрывая своихъ тайныхъ плановъ относительно наступленія на Азовъ, казаки просятъ запасовъ якобы для защиты своихъ собственныхъ городковъ. Просьба ихъ была уважена, и Государь приказалъ выслать къ нимъ на Донъ все необходимое.

А тѣмъ временемъ, пока атаманъ Каторжный ѣздилъ въ Москву, на Дону былъ великій войсковой кругъ. Низовые городки, начавъ сборы въ походъ, послали въ верховые[3]) городки и по всѣмъ рѣчкамъ, велѣли всѣмъ быть на съѣздъ въ Нижній городокъ. Въ виду предстоящаго великаго общаго дѣла всѣмъ казакамъ, которые за свои проступки и преступленія состояли «въ запрещеньѣ отъ войска», т. е. были лишены казачьихъ правъ, объявлено было полное прощеніе и забвеніе вины. Изо всѣхъ юртовъ съѣхались казаки и приговорили—итти всѣмъ войскомъ подъ Азовъ, промыселъ надъ нимъ учинить. Въ это же время прибыло на Донъ прямо степью около тысячи Запорожцевъ, чтобы уговориться итти вмѣстѣ на море. Узнавъ о задуманномъ завоеваніи самого Азова, Запорожцы постановили присоединиться къ Донцамъ.

Въ среду на Ѳоминой недѣлѣ, 21-го апрѣля 1637 года, казаки выступили въ походъ въ числѣ 4400 человѣкъ. На Дону на ту пору былъ проѣздомъ въ Москву турецкій посолъ Ѳома Кантакузинъ. Его казаки оставили въ своихъ куреняхъ подъ стражей. Кантакузинъ сдѣлалъ было попытку оповѣстить Азовцевъ, чтобы тѣ не сдавались, такъ какъ у казаковъ боевыхъ припасовъ не много, а изъ Москвы еще новыхъ не получено, но посланные его были перехвачены, а когда прибылъ изъ Москвы атаманъ Каторжный съ царскимъ «жалованьемъ», то надъ Кантакузинымъ былъ наряженъ войсковой судъ, на которомъ онъ былъ присужденъ къ смерти и тутъ же (4-го іюня) былъ казненъ со всѣми своими людьми.

Недолго продержались Азовцы въ осадѣ,—18 іюня крѣпость была взята приступомъ, всѣ жители, кромѣ грековъ, перебиты, а плѣнные христіане выпущены на свободу. Казаки занялись приведеніемъ въ порядокъ взятаго города, а тѣмъ временемъ отправили въ Москву посольство съ извѣстіемъ, что они турскаго посланника Кантакузина порубили, Азовъ городъ взяли и ни одного человѣка Азовскаго ни на степи, ни на морѣ не упустили,—всѣхъ порубили.

Извѣстіе это, съ одной стороны, обрадовало Москву, которой, конечно, на руку было паденіе грозной турецкой крѣпости, а съ другой стороны, Москва оказывалась въ очень неловкомъ положеніи, такъ какъ изъ-за этого дѣла легко могъ произойти разрывъ съ Турціей, грозившій трудной войной, къ которой государство не было готово. Поэтому въ сентябрѣ того же года Царь отправилъ къ султану грамоту, въ

[3]) Лежащіе въ верхнемъ теченіи Дона.

которой, выгораживая себя, писалъ, что казаки взяли Азовъ *воровствомъ* (самовольно, безъ приказу), что Донскіе казаки издавна воры, бѣглые холопы и царскаго повелѣнья ни въ чемъ не слушаютъ, а рати московской послать на нихъ нельзя, потому что живутъ въ дальнихъ мѣстахъ: «а вамъ бы, брату нашему, на насъ досады и нелюбья не держать за то, что казаки посланника вашего убили и Азовъ взяли: это они сдѣлали безъ нашего повелѣнья, самовольствомъ, и мы за такихъ воровъ (беззаконниковъ) никакъ не стоимъ, и ссоры за нихъ никакой не хотимъ, хотя ихъ, воровъ, всѣхъ въ одинъ часъ велите побить; мы съ вашимъ султановымъ величествомъ въ крѣпкой братской дружбѣ и любви быть хотимъ»... Впрочемъ, безъ непріятностей дѣло все-таки не обошлось: въ сентябрѣ крымцы подъ начальствомъ ханскаго брата Нуръ-Эддина опустошили Московскую Украйну, причемъ ханъ Багадуръ-Гирей писалъ въ Москву, что это дѣлается по приказу султана въ отместку за взятіе Азова. Однако казаковъ крымцы тронуть побоялись и даже не сдѣлали ни малѣйшей попытки отбить крѣпость обратно.

Что же касается до самого султана Мурада, то какъ ни взбѣшенъ былъ онъ потерей Азова, однако предпринимать ничего не рѣшался, такъ какъ въ то время велъ войну съ Персіей. Когда въ 1639 году эта война окончилась, въ Турціи начались дѣятельныя приготовленія къ войнѣ съ казаками, но смерть Мурада, послѣдовавшая въ 1640 году, оттянула дѣло, и только въ 1641 году наслѣдникъ его Ибрагимъ I двинулъ подъ Азовъ огромную армію въ 240000 человѣкъ при сотнѣ осадныхъ орудій.

Казаковъ въ городѣ было совсѣмъ немного: 5367 мужчинъ и около 800 женщинъ, а всего значитъ шесть тысячъ съ небольшимъ; казачекъ тоже нужно ставить въ счетъ боевой силы, такъ какъ онѣ дѣятельно помогали защитѣ города. Въ это же время въ Азовѣ находились предводители возстанія за освобожденіе Малороссіи отъ гнета Польши—Остряныця и Гуня со своими товарищами.

Обложивъ городъ 24-го іюля, турки тщетно осаждали его два мѣсяца (по 26 сентября) и принуждены были, наконецъ, отступить, потерявъ болѣе 20000 человѣкъ. Казаки послали въ Москву въ высшей степени любопытное по формѣ и по содержанію подробное описаніе своей геройской обороны Азова. Это была оборона, которой не было, нѣтъ и не будетъ равной въ мірѣ... Шесть тысячъ защитниковъ и защитницъ выдержали двухмѣсячную осаду со стороны противника, превосходившаго въ 50 разъ своей численностью, снабженнаго въ избыткѣ артиллеріей и всякими припасами [4]), отбили 25 приступовъ и

---

[4]) У турокъ было 120 большихъ осадныхъ пушекъ (отъ одного пуда до двухъ ядро), 674 полевыхъ пушки и 32 мортиры, тогда какъ у казаковъ всего-на всего имѣлось 12 пушекъ, и то стрѣлявшихъ только „дробомъ“ (картечью)

выдержали бомбардировку, не прекращавшуюся ни днемъ ни ночью въ теченіе 16 сутокъ. «И отъ пушекъ ихъ громъ стоялъ», пишутъ казаки, «и огонь и дымъ топился отъ нихъ до неба; 16 денъ и нощей 16 не перемолкъ снарядъ ихъ пушечный ни на единый часъ. Всѣ наши Азовскія крѣпости распалися, стѣны и башни всѣ, и церковь Предотечева; и палаты всѣ до единыя разбили у насъ по подошву самую, и снарядъ нашъ пушечный переломали весь. Одна лише у насъ во всемъ Азовѣ-городѣ церковь Николы Чудотворца вполы (до половины) осталася; потому ея столько осталося, что она стояла внизу добрѣ, у моря, подъ гору. А мы отъ нихъ сидѣли по ямамъ всѣ, и выглянути намъ изъ нихъ не дадутъ... Почали ужъ они къ намъ метати въ ямы наши ядра огненныя, чиненыя (фугасныя бомбы), и всякія нѣмецкія приступныя мудрости. Тѣмъ намъ они чинили пуще приступовъ тѣсноты великія. Побивали многихъ насъ. Послѣ тѣхъ ядеръ огненныхъ, вымышляя они надъ нами умомъ своимъ, оставя они всѣ уже мудрости, почали насъ осиловать и доступать прямымъ боемъ, своими силами: почали они къ намъ приступъ присылать на всякій день, людей своихъ яныченъ (янычаръ) по 10000 человѣкъ. Приступаютъ къ намъ цѣлый день до ночи. Ночь придетъ, —на перемѣну имъ придетъ другая десять тысячъ человѣкъ: тѣ ужъ къ намъ приступаютъ ночь всю до свѣта. Ни на единъ часъ не дадутъ покою намъ: они бьются съ перемѣною день и нощь, чтобъ тою истомою осиловать насъ. Отъ такого ихъ злого ухищренія и промыслу отъ бѣсовскаго, и отъ тяжелыхъ ранъ своихъ, и отъ всякихъ осадныхъ лютыхъ нуждъ, и отъ духу смраднаго, и отъ человѣческаго трупія, отягчали мы всѣ многими болѣзньми лютыми, осадными. А сѣли въ малѣ дружинѣ своей: ужъ только стало,—перемѣниться нѣкѣмъ; ни на единый часъ отдохнуть намъ не дадутъ».

Только закаленное въ бояхъ булатное казачье сердце могло перенести всѣ эти несказанные ужасы и до послѣдней минуты пылать твердой рѣшимостью лучше погибнуть всѣмъ до единаго, чѣмъ допустить себя до позора сдачи.

Войско Донское просило Царя принять отъ казаковъ Азовъ, добытый и удержанный съ такими жертвами и нечеловѣческими усиліями: «мы наги, босы и голодны», писали они: «запасовъ пороху и свинцу нѣту, оттого многіе казаки хотятъ итти врозь, а многіе переранены». Царь послалъ казакамъ запасовъ и 5000 рублей денегъ, относительно же крѣпости порѣшилъ посовѣтоваться съ народомъ, для чего былъ собранъ въ январѣ 1643 года Земскій Соборъ. Когда все дѣло было доложено Собору, то онъ постановилъ передать рѣшеніе вопроса на благоусмотрѣніе Царя, города же и области выразили готовность не жалѣть ни жизни ни имущества, если потребуется. Посланные для осмотра крѣпости царскіе довѣренные донесли, что городъ разбитъ и разоренъ

до основанія, скоро его поправить никакъ нельзя и отъ воинскихъ людей защищаться не въ чемъ. Царь порѣшилъ, что отстаивать Азовъ отъ турокъ пришлось бы съ крайнимъ напряженіемъ всѣхъ силъ государства, а оно и безъ того страшно разорено и ослаблено, а потому послалъ 30 апрѣля 1643 года казакамъ грамоту съ повелѣніемъ покинуть Азовъ. Казаки вышли изъ города на Махинъ островъ, куда перевезли свои трофеи и запасы, а Азовъ предали окончательному разрушенію, такъ что турецкая армія, явившаяся для новой осады, нашла на мѣстѣ грозной крѣпости только безпорядочныя груды развалинъ.

Какъ бы то ни было, а казаки добились своего: выходъ на море былъ вновь свободенъ, и снова начался длинный рядъ удалыхъ морскихъ набѣговъ.

Въ море ходили казаки и малыми партіями—струговъ по 10, по 15; ходили и цѣлыми флотиліями въ 50, въ 70 и до 100 струговъ. А въ стругѣ человѣкъ по 30, по 40, и по 50. Само собой разумѣется, что такіе отряды, какъ ураганъ, сметали все передъ собой: села и города обращались въ развалины, жилища предавались огню, мужчины «подъ мечъ клонились», а женщинъ и прочую добычу забирали казаки въ свои далекіе городки [5]). Если на обратномъ пути встрѣчались турецкіе военные корабли, то уже трудно было казакамъ дѣйствовать на своихъ челнахъ, перегруженныхъ всякой добычей, приходилось итти на-утекъ, пока не замѣтилъ врагъ ныряющихъ по волнамъ казацкихъ струговъ. Если же уйти ужъ было невозможно, то приходилось принимать бой въ невыгодныхъ условіяхъ, и тогда жестоко доставалось казакамъ, несмотря на всю ихъ храбрость и проворство. Тогда шла на дно морское вся купленная дорогой цѣной казачья добыча, а сами храбрецы попадали въ руки враговъ продавались въ рабство въ далекіе мусульманскіе края, или же, прикованные тяжелыми цѣпями къ огромнымъ весламъ турецкихъ «каторгъ», пѣнили ими волны Чернаго моря. Тяжка была неволя турецкая. По 20, по 30 лѣтъ просиживали казаки въ цѣпяхъ, томились въ тюремныхъ подземельяхъ или исполняли самыя тяжелыя и унизительныя работы по прихоти своихъ повелителей. И проливали казаки горькія слезы, выжидая, когда же придутъ «бративъ вызволяти» ихъ удалые товарищи.

Поэтому казаки предпочитали встрѣтиться съ непріятельскими кораблями въ началѣ похода, и тогда сами первые нападали на врага. Завидѣвъ издали военный корабль, казаки старались занять выгодное для себя положеніе, становясь отъ него въ сторонѣ солнца. Тогда безполезны были для турокъ ихъ грозныя пушки: солнце било наводчикамъ прямо въ лицо, въ глазахъ рябило отъ блестящей морской по-

[5]) «А злато и серебро», говорятъ казаки туркамъ во время Азовскаго сидѣнія, «емлемъ у васъ за моремъ: то вамъ самимъ вѣдомо. А жены себѣ красныя (красивыя) и любимыя водимъ и выбираемъ отъ васъ же, изъ Царя-града».

верхности,—и о вѣрной стрѣльбѣ нечего было и думать. Если же день былъ неясный, то казаки, прикрываясь мглой, охватывали непріятеля кольцомъ и устремлялись на него со всѣхъ сторонъ одновременно. Много струговъ разлеталось тогда въ мелкія щепки подъ ударами турецкихъ ядеръ, опрокидывалось и тонуло въ морской пучинѣ, но остальные доходили до цѣли и съ перваго же налета оставались побѣдителями.

Въ то время какъ Донцы и Запорожцы опустошали берега Чернаго моря, Волжскіе и Яицкіе казаки хозяйничали на Хвалынскомъ (Каспійскомъ) и часто «дуванили» (дѣлили) несмѣтную добычу, собираемую ими по богатымъ ханствамъ Закавказья и Персіи. Впрочемъ, въ этихъ набѣгахъ принимали участіе и Донцы, чаще малыми группами, а иногда въ довольно значительныхъ силахъ, какъ въ 1621 г., въ 1632 г., въ 1641 г. и, особенно, въ походахъ извѣстнѣйшаго казацкаго атамана Стеньки Разина. Еще и донынѣ сохранились въ низовьяхъ Куры остатки огромной казацкой крѣпости, служившей главной опорой для Разинскихъ удальцовъ съ Дона, Волги и Яика, съ которыми онъ въ 1668—69 годахъ опустошалъ персидское побережье Каспія отъ Дербента и Баку до Решта и Фафабада. Напрасно персидскій шахъ выслалъ противъ Разина свой флотъ съ 4000 войска. Разинъ разогналъ во всѣ стороны персидскіе корабли и поперетопилъ ихъ почти всѣ: только три судна спаслись бѣгствомъ. Съ ними бѣжалъ и неудачный персидскій флотоводецъ Менеды-ханъ, дочь котораго въ числѣ прочей добычи досталась въ руки побѣдителей-казаковъ, со славой и богатой добычей возвратившихся въ свои городки.

VI. Историческое значеніе казачества. А. Оборона границъ и расширеніе предѣловъ.

Казаки—передовые бойцы и развѣдчики. Покореніе Сибири. Открытіе новыхъ земель на Дальнемъ Востокѣ. Казаки на Амурѣ. Первыя дѣла съ Китаемъ. Твердость казачья въ дѣлѣ защиты границъ.

Чѣмъ шире разливалось русское народное море на югъ и востокъ, тѣмъ все дальше и дальше въ глубь невѣдомыхъ странъ проникаютъ казачьи отряды. И при этомъ поступательномъ движеніи русскаго государства, казаки сыграли роль огромной важности и значенія. Они всюду являлись первыми вѣстниками наступающей власти Бѣлаго Царя. Судьбы казачества и государства тѣсно сплетались. Уходя за предѣлы государственной власти, казаки все-же силою вещей, волей-неволей

служили государству великую службу. И чѣмъ дальше въ глубь степей и таежныхъ дебрей забирались казаки, тѣмъ скорѣе шагала по пятамъ ихъ государственная власть, и за спиной вольныхъ казачьихъ «станицъ» рубились царскіе города, ставились «остроги», возводились укрѣпленья, распоряжались царскіе воеводы. Всю тяжесть и всѣ превратности передовой борьбы принимало на свою богатырскую грудь казачество, а плодами казачьихъ трудовъ цѣликомъ воспользовалось государство.

Мы выше уже видѣли, что казаки служили Царю не только какъ вооруженная сила: они явились и первыми дипломатическими агентами, первыми посредниками въ международныхъ сношеніяхъ Руси съ Востокомъ. Черезъ ихъ руки проходятъ царскія грамоты, съ ихъ помощью ведутся переговоры съ ногаями, Крымомъ, Турціей и Персіей. Даже и въ отдаленномъ Китаѣ казакамъ суждено было сыграть роль первыхъ посредниковъ между Богдыханомъ и Бѣлымъ Царемъ.

Начало завоеванія Сибири и присоединенія къ Россіи всей сѣверной Азіи было положено, какъ это всѣмъ извѣстно, славнымъ атаманомъ казачьимъ Ермакомъ Тимофеевичемъ. Напомнимъ въ краткихъ словахъ главные моменты этого великаго событія.

Во второй половинѣ XVI вѣка въ Сѣверномъ Пріуральѣ, въ Закамскомъ краю, основались именитые торговые люди промышленники Строгоновы. Они вели тамъ обширную торговлю съ сосѣдними инородцами, вываривали соль и занимались различными промыслами. По всей округѣ ходили ихъ караваны съ товарами, а въ удобныхъ мѣстахъ строили Строгоновы городки, въ которыхъ вели торгъ съ туземцами. Для охраны своихъ каравановъ и складовъ Строгоновы держали свою собственную стражу, набиравшуюся изъ охочихъ вольныхъ людей.

Вотъ къ этимъ-то Строгоновымъ и явился около 1578 г. атаманъ Ермакъ со своей казачьей дружиной. Однако не долго прожили удалые товарищи Ермака на купеческихъ хлѣбахъ. Ихъ буйная сила требовала большаго простора, гдѣ бы можно было развернуть свою удаль во всю ширину. И вотъ въ 1580 г. вольная казачья дружина, числомъ до 500 человѣкъ, получивъ необходимые боевые припасы отъ Строгоновыхъ, двинулась подъ предводительствомъ своего отважнаго атамана за Уральскій хребетъ. Въ слѣдующемъ же году казаки занимаютъ столицу Сибирскаго царя Кучума—городъ Искеръ (или Сибирь), находившуюся близъ впаденія р. Тобола въ Иртышъ, гдѣ нынѣ городъ Тобольскъ.

Основавшись въ Сибири, казаки отправили къ Царю Ивану Грозному посольство съ предложеніемъ принять отъ казаковъ завоеванную ими страну, а сами тѣмъ временемъ дѣятельно занялись дальнѣйшимъ покореніемъ инородческихъ племенъ. Во время одного изъ такихъ походовъ, когда казаки въ бурную ночь

спали на берегу Иртыша, на нихъ неожиданно напалъ Кучумъ, и безпечные казаки были перебиты прежде, чѣмъ успѣли схватиться за оружіе. Самъ атаманъ, защищенный желѣзнымъ панцыремъ, отчаянно отбивался отъ окружившихъ его враговъ, но видя превосходство силъ, бросился въ воду, пытаясь вплавь добраться до стоявшихъ среди Иртыша казачьихъ струговъ. Однако латы, спасшія Ермака отъ ударовъ татарскаго оружія, сами погубили его, потянувъ своей тяжестью на дно рѣки.

Не стало славнаго Ермака, покорителя Сибири, но мужественные сотоварищи его продолжали начатое имъ великое дѣло. Все шире и шире раздвигали они предѣлъ порубежный и твердою грудью заслоняли своей. Открывая все новыя и новыя страны, казаки Мангазейскіе, Тобольскіе, Сургутскіе, Томскіе, Енисейскіе, Якутскіе во всѣхъ направленіяхъ рыскали по сибирскимъ тайгамъ, тундрамъ, рѣкамъ и горамъ, собирая «ясакъ» Бѣлому Царю съ безчисленныхъ народцевъ: бурятъ, тунгузовъ, даурцевъ, баргутовъ. якутовъ, юкагировъ, чукчей, коряковъ, камчадаловъ и т. д. Въ 1637—38 г.г. Енисейскіе казаки по Ленѣ доходятъ до Сѣвернаго Ледовитаго океана и начинаютъ изслѣдованіе его побережья. Въ 1639 году впервые появляются русскіе казаки на побережьи Великаго океана въ Охотскомъ морѣ, и черезъ 10 лѣтъ отважный Семенъ Дежневъ, всего съ 25 казаками, на лодкѣ выходитъ для открытія земель изъ Нижне-Колымска, огибаетъ восточную оконечность Азіи—Чукотскій Носъ и первымъ изъ европейцевъ проходитъ чрезъ морской проливъ раздѣляющій Азію отъ Америки [1])

За вольными казаками - охотниками слѣдомъ идутъ, какъ повелось, государскіе служилые люди. Немедленно по полученіи отъ Дежнева вѣстей о новыхъ земляхъ, богатыхъ рыбой и моржевымъ зубомъ, изъ Якутска посылается стрѣлецкій сотникъ утвердить власть Великаго Государя въ новой землицѣ и установить порядокъ въ промыслахъ съ соблюденіемъ казеннаго интереса.

Около того же времени появились казаки и въ пограничномъ съ Китаемъ Пріамурьѣ. Въ 1643—1644 году первый проходитъ по Амуру до самаго устья Василій Поярковъ, прошедшій съ партіей въ 133 человѣка изъ Якутска внизъ по р. Ленѣ въ притокъ ея Алданъ, а по нему къ притоку Амура р. Зеѣ. Изъ Амурскаго устья Поярковъ вышелъ въ Охотское море, откуда уже сухимъ путемъ пробрался снова къ Алдану. Вернувшись въ 1646 году изъ этого тяжелаго и опаснаго похода, въ которомъ отъ голода и въ битвахъ потерялъ болѣе половины товарищей. Поярковъ представилъ богатый «ясакъ» и описаніе вновь открытыхъ странъ. «Тамъ въ по-

---

[1]) Этотъ проливъ и прилегающее къ нему море впослѣдствіи получили имя нѣмца Беринга, побывавшаго въ тѣхъ водахъ болѣе чѣмъ на 100 лѣтъ позже казаковъ Дежнева, но, тѣмъ не менѣе, присвоившаго себѣ честь перваго открытія

ходы ходить», пишетъ онъ, «и пашенныхъ хлѣбныхъ сидячихъ людей подъ царскую высокую руку привесть можно и въ вѣчномъ холопствѣ укрѣпить и ясакъ съ нихъ сбирать,—въ томъ Государю будетъ прибыль, потому что тѣ землицы людны, и хлѣбны, и собольны, и всякаго звѣря много, и хлѣба родится много, и тѣ рѣки рыбны, и государевымъ ратнымъ людямъ хлѣбной скудости ни въ чемъ не будетъ».

Въ 1649 году идетъ въ Амурскій край новый изслѣдователь Ерофей Хабаровъ съ 70-ю товарищами. Поднявшись изъ Якутска вверхъ по р.р. Ленѣ и Олекмѣ, онъ вышелъ на Амуръ значительно выше чѣмъ Поярковъ. Идя внизъ по Амуру, Хабаровъ нашелъ богатые и благоустроенные города Даурскаго князя Лавкая. Ознакомившись съ богатствомъ Дауріи и находя свои силы недостаточными для полнаго ея покоренія, Хабаровъ оставилъ на Амурѣ своихъ товарищей, а самъ въ 1650 г. возвратился въ Якутскъ, откуда въ томъ же году, взявъ съ собою отрядъ въ 200 человѣкъ вольныхъ и служилыхъ людей, при 3 пушкахъ, пошелъ опять въ Даурію. Дауры встрѣтили его на этотъ разъ съ оружіемъ въ рукахъ, но Хабаровъ разбилъ ихъ и занялъ ихъ городъ Албазинъ. Неоднократныя попытки туземцевъ выбить завоевателей изъ Пріамурья не привели ни къ чему. Тогда дауры обратились за помощью къ Китаю, и вотъ весною 1652 года подъ занятый казаками Ачанскій городокъ подступило многочисленное войско Китайскаго Богдыхана. Хотя Манчжуры были вооружены пушками и ружьями, однако перевѣсъ все-таки остался на сторонѣ храбрѣйшихъ.

Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ первомъ столкновеніи Руси съ Китаемъ Хабаровъ: «Марта въ 24 день, на утренней зарѣ, сверхъ Амура-рѣки славныя ударила сила изъ прикрыта на городъ Ачанскій, на насъ казаковъ, сила Богдойская, —всѣ люди конные и куячные (панцырные). И нашъ казачій Есаулъ закричалъ въ городъ Андрей Ивановъ, служилый человѣкъ: «Братцы казаки! вставайте наскорѣ и оболокайтесь въ куяки крѣпкіе!» И метались казаки на городъ въ однѣхъ рубашкахъ на стѣну городовую, и мы, казаки, чаяли изъ пушекъ, изъ оружья бьютъ казаки изъ города,—ажно бьютъ изъ оружья и изъ пушекъ по нашему городу казачью войско Богдойское. И мы казаки съ ними, богдойскими людьми, съ войскомъ ихъ, дрались изъ-за стѣны съ зари и до схода солнца. И то войско богдойское на юрты казачьи пометалось, и не дадутъ намъ, казакамъ, въ тѣ поры пройти черезъ городъ; а богдойскіе люди знаменами стѣну городовую укрывали; у того нашего города вырубили они, богдойскіе люди, три звена стѣны сверху до-земли. И изъ того ихъ великаго войска богдойскаго кличетъ князь Исиней царя богдойскаго и все войско богдойское: «Не жгите и не рубите казаковъ,—емлите ихъ, казаковъ, живьемъ!..» И толмачи наши тѣ рѣчи

князя Исинея услышали и мнѣ Ярофейку сказали. И слыша тѣ рѣчи у князя Исинея, оболокали мы всѣ казаки на ся куяки и язъ (я) Ярофейко, и служилые люди, и вольные казаки, помолясь Спасу и Пречистой Владычицѣ нашей Богородицѣ и угоднику Христову Николаю Чудотворцу, промежъ собою прощалися и говорили то слово язъ Ярофейко, и Есаулъ Андрей Ивановъ, и все наше войско казачье: «Умремъ мы, братцы казаки, за вѣру крещеную и постоимъ за домъ Спаса и Пречистыя и Николы Чудотворца, и порадѣемъ мы казаки Государю и Великому Князю Алексѣю Михаиловичу всея Россіи и *помремъ мы казаки всѣ за одинъ человѣкъ противъ государева недруга, а живы мы, казаки, въ руки имъ богдойскимъ людямъ не дадимся»*... И въ тѣ стѣны проломныя стали скакать тѣ люди Богдоевы, и мы казаки прикатили тутъ на городовое проломное мѣсто пушку большую мѣдную и почали изъ пушки по богдойскому войску бити, и изъ мелкаго оружья учали стрѣлять изъ города, и изъ иныхъ пушекъ желѣзныхъ бити жъ стали по нихъ, богдойскихъ людяхъ. Тутъ и богдойскихъ людей и силу ихъ всю, Божіею милостью и Государскимъ счастіємъ, и нашимъ радѣніемъ, ихъ, собакъ, побили многихъ. И какъ они богдои отъ того нашего пушечнаго бою и отъ промыслу отшатились прочь, и въ та поры выходили служилые и вольные охочіе казаки 156 человѣкъ въ куякахъ на вылазку богдойскимъ людямъ за городъ, а пятьдесятъ человѣкъ осталось въ городѣ. И какъ мы къ нимъ, богдойскимъ людямъ, на вылазку вышли изъ города, и у нихъ, богдоевъ, тутъ подъ городомъ приведены были двѣ пушки желѣзныя, и Божіею милостію и Государскимъ счастіемъ тѣ двѣ пушки мы, казаки, у нихъ, богдойскихъ людей, и у войска отшибли. И у которыхъ у нихъ, богдойскихъ людей, у лучшихъ воитиновъ огненно оружье было, и тѣхъ людей мы побили и оружіе взяли. И нападе на нихъ, богдоевъ, страхъ великій: покажись имъ наша сила несчетная, —и всѣ достальные богдоевы люди отъ города и отъ нашего бою побѣжали врозь. А кругъ того Ачанскаго города смѣчали мы, что побито? Богдоевыхъ людей и силы ихъ 676 человѣкъ наповалъ, а нашіе силы казачьи отъ нихъ легло отъ богдоевъ 10 человѣкъ, да переранили насъ, казаковъ, на той дракѣ 78 человѣкъ».

Такъ умѣли стоять за Царя и Отечество, за церкви Божіи да за славу свою молодецкую казаки на далекой восточной окраинѣ.

«Лучше смерть, чѣмъ позоръ сдачи!»—въ одинъ голосъ говорятъ казаки на всѣхъ своихъ заставахъ богатырскихъ, по всему казачьему фронту отъ Амура черезъ Яикъ, Терекъ и Донъ до славнаго оплота Днѣпровскаго казачества—Запорожской Січи.

Мужественная защита Ачанскаго городка Амурскими казаками, въ 1652 г., геройская оборона Гребенцовъ въ своемъ Сунженскомъ острогѣ отъ полчищъ Шамхала Тар-

ковскаго въ 1651 г., безпримѣрное въ исторіи «Азовское сидѣніе» Донскихъ казаковъ въ 1641 г. и гордый отвѣтъ Запорожцевъ турецкому султану Махмуду IV,[2])—это все дѣла одного и того же времени,—половины XVII вѣка, времени расцвѣта казачьихъ силъ, которыя, накопившись, искали себѣ выхода на широкій просторъ...

[2]) Въ 1676 году турецкій султанъ Махмудъ IV-й прислалъ въ Запорожье требованіе покорности. «Я, Султанъ Турецкій,» писалъ онъ, «сынъ Магомета, братъ солнца и луны, внукъ и намѣстникъ Божій, владѣлецъ царствъ Македонскаго, Вавилонскаго, Іерусалимскаго, Великаго и Малаго Египта, царь надъ царями, властелинъ надъ властелинами, необыкновенный рыцарь никѣмъ не побѣдимый, неотступный хранитель гроба Іисуса Христа, попечитель самаго Бога, надежда и утѣшеніе мусульманъ, смущеніе и великій защитникъ христіанъ,—повелѣваю вамъ, запорожскіе казаки, сдаться мнѣ добровольно и безъ всякаго сопротивленія и меня вашими нападеніями не заставлять безпокоиться

Султанъ Турецкій
Махмудъ Четвертый.»

На это казаки отвѣтили такимъ посланіемъ:

Запорожскіе козаки
Турецькому Султану.

Ты шайтанъ турецькый, сынъ собакы, братъ свыньи, проклятаго чорта братъ и товарышъ и самого Люципера (Сатаны) секретарь! Якый ты у чорта лыцарь? Чортъ ...... выкидае, а твое військо пожирае. Не будешь ты годенъ сынивъ хрыстьяньскыхъ пидъ собою маты. Твоего війска мы не бойимось,—землею и водою будемъ бытися зъ тобою. Вавилоньскый ты кухарь, македоньскый колеснықъ, ерусалимськый броварныкъ, александрійскій козолупъ, Велыкого и Малого Египта свынарь, армяньска свыня, татарскый сагайдакъ (козелъ), каменецькый катъ (палачъ), подоляньскый злодіюка, самого гаспида внукъ и усего свиту и пидсвиту блазень (глупецъ), а нашого Бога дурень, свыняча морда, кобыляча ..., ризныцька собака, нехрещеный лобъ, хай бы узявъ тебе чортъ! Одтакъ тоби козакы видказалы, плюгавче! Невгоденъ еси матери вирныхъ хрестіянъ! Числа не знаемъ, бо календаря не маемъ, мисяць у неби, годъ у кнызи, а день такый у насъ, якый и у васъ,—поцилуй за те ось куды насъ!

Кошовый Отаманъ Иванъ Сирко зо всимъ кошемъ запорожскымъ.

VI. Историческое значеніе казачества. Б. Присоединеніе Малороссіи.

Католичество и православіе въ Западной Руси. Унія Выступленіе казачества. Гетманъ Наливайко. Новыя бѣдствія Малороссіи. Тарасова ночь. Жестокость поляковъ при казни народныхъ вождей. Богданъ Хмельницкій. Переяславская рада.

Не только далекія чуждыя страны и земли добывало казачество для великаго Русскаго Государства, тому же казачеству обязано наше отечество и возвращеніемъ коренной русской области—Кіевской Руси, попавшей подъ тяжелое польское иго.

Когда Малая Русь подчинилась

Литовскимъ Великимъ Князьямъ, то первое время русскимъ хорошо и свободно жилось подъ властью Литвы. О какихъ бы то ни было стѣсненіяхъ или преслѣдованіяхъ не могло быть и рѣчи. Литовцы и русскіе жили другъ съ другомъ какъ родные братья, какъ вольный съ вольнымъ, съ равнымъ равный. Русскій языкъ былъ господствующимъ въ Западномъ краѣ, и даже сводъ литовскихъ законовъ («Литовскій Статутъ») былъ написанъ не на литовскомъ, а на русскомъ языкѣ.

Но со времени соединенія Литвы съ Польшей (въ 1569 году) дѣло начинаетъ принимать совершенно иной оборотъ.

Причиной этому прежде всего послужила религіозная рознь. Польское государство приняло христіанскую вѣру съ Запада, отъ Латинской церкви, а потому духовнымъ главою своимъ считало римскаго папу.

Между тѣмъ Русскій народъ получилъ наставленіе въ вѣрѣ съ Востока, изъ Константинополя, отъ Греческой церкви. Еще въ XI вѣкѣ Восточная и Западная церкви стали другъ къ другу во враждебныя отношенія изъ-за вопроса о подчиненіи: Римскіе папы настаивали, чтобы всѣ христіанскія церкви признали Римъ своей главою, потому что въ Римѣ умеръ Апостолъ Петръ, которому вручилъ Господь ключи Царства Небеснаго. Такъ какъ патріархи Восточной церкви не пожелали ставить себя въ зависимость отъ папъ, то между западнымъ и восточнымъ христіанствомъ, между римско-католичествомъ и греко-православіемъ возникла смертельная вражда.

Понятно, что послѣ соединенія Польши съ Литвою римское духовенство, пользовавшееся въ Польшѣ наибольшимъ вліяніемъ, съ неудовольствіемъ стало смотрѣть на права, предоставлявшіяся въ Литвѣ православному духовенству. Началась сперва тайная, а затѣмъ и открытая борьба за вѣроисповѣданіе. Католики требовали чтобы православные, которыхъ они именовали «схизматиками», т. е. раскольниками, еретиками, отказались бы отъ своей «ереси», приняли бы обряды латинской церкви и признали бы своимъ духовнымъ главою римскаго папу. Конечно, ни православный русскій народъ, ни тѣмъ болѣе духовенство на это не могли согласиться. Тогда католическіе ксендзы и епископы стали настойчиво добиваться того, чтобы права православнаго духовенства были бы ограничены. Обиженный этимъ русскій народъ еще крѣпче привязался къ своему вѣроученію.

Къ религіознымъ спорамъ присоединились еще и другія обстоятельства, обострявшія польско-русскія отношенія. Польская знать стала пріобрѣтать себѣ помѣстья въ Малороссіи, и при этомъ коренное мѣстное русское, искони свободное «посполитство» (простонародье) постепенно обращалось въ «хлоповъ» (крѣпостныхъ), въ собственность польскихъ пановъ.

Такимъ образомъ уже къ концу XVI вѣка мы находимъ въ Западной Руси двѣ враждующихъ между собою стороны: *польско-католическую*—помѣщики, войско, чиновники и *русско-православную*—сельчане, казаки и горожане.

Въ 1596 году группа православныхъ епископовъ и священниковъ, желая получить права, равныя съ католическимъ духовенствомъ, придумала такъ-называемую «унію»—соединеніе православія съ католичествомъ, сущность котораго сводилась къ тому, что «уніаты» могли по прежнему исполнять обряды восточной церкви, молиться на своемъ языкѣ, а не на латинскомъ, но признавали римскаго папу главою православной западно-русской церкви. Однако за уніатами пастырями не послѣдовала ихъ паства, и «унія» вмѣсто успокоенія внесла только большую вражду и ярость въ религіозный споръ. Уніаты стали употреблять всѣ мѣры для утвержденія уніи, не гнушаясь даже насиліями и звѣрствами: опираясь на сочувствіе и помощь католиковъ, они захватывали въ свои руки православные храмы и монастыри, арестовывали и истязали православныхъ священниковъ. Православный народъ заволновался...

А тутъ еще подоспѣлъ казачій вопросъ. Мы уже видѣли выше[1]), какъ польское правительство къ концу XVI вѣка начинаетъ принимать мѣры къ ограниченію и ослабленію казачьихъ вооруженныхъ силъ, начинаетъ свободныхъ дотолѣ реестровыхъ казаковъ обращать въ крѣпостныхъ хлоповъ. Русскому народу приходилось съ оружіемъ въ рукахъ отстаивать свою свободу и свои права, попираемыя угнетателями ляхами и ихъ пособниками отступниками-уніатами. И кровавая борьба началась.

Еще въ 1592 году поднялись было казаки подъ предводительствомъ гетмана Косинскаго. Но этотъ гетманъ самъ былъ природный полякъ, а потому не пошло такъ за нимъ казачество и народъ русскій, какъ пошли бы за вождемъ соплеменникомъ. Когда же начались звѣрства уніатовъ, такой вождь отыскался. Это былъ гетманъ казацкій Павелъ Наливайко, избранный въ гетманы казаками на «радѣ» въ Чигиринѣ въ 1596 году. И хотя это избраніе произошло вопреки запрещенію польскаго правительства, однако Наливайко началъ съ того, что обратился къ королю польскому съ просьбой утвердить его избраніе и подкрѣпить своимъ королевскимъ словомъ прежнія права и свободы русскаго народа. Но король въ Польшѣ не имѣлъ никакой силы: всѣми государственными дѣлами самовластно распоряжались окружавшіе короля «магнаты» (вельможи), исполнявшіе всѣ свои прихоти королевскимъ именемъ. Поэтому, несмотря на полную справедливость и законность требованій гетмана, правительство двинуло противъ него войска. Сталъ собирать свои силы и Наливайко. Подъ Чигириномъ, на берегу р. Тяс-

[1]) Гл. IV настоящихъ «Очерковъ».

мина, онъ расположился укрѣпленнымъ лагеремъ, выставивъ на курганѣ три бѣлыя хоругви съ надписями: «Миръ христіанству, а на зачинщика Богъ и Его Крестъ». Поляки противъ знаменъ воздвигли три висѣлицы и повѣсивъ на нихъ трехъ казацкихъ старшинъ Богуна, Войновича и Сутыгу, сдѣлали надъ ними надпись: «Кара бунтовщикамъ».

Нѣкоторое время враги стояли другъ противъ друга, выжидая. Наконецъ, поляки первые перешли въ наступленіе. Однако опытный вояка былъ Наливайко: пославъ лучшую часть своего войска въ обходъ, онъ произвелъ переполохъ въ польскомъ станѣ и тогда ударилъ съ фронта. Жестоко бились казаки, горя желаніемъ отомстить за поруганныхъ старшинъ своихъ. Не выдержали кичливые ляхи дружнаго натиска, и обратились въ бѣгство. И справили казаки въ Тясминской битвѣ первую свою кровавую тризну по мученикамъ за вѣру и свободу: болѣе 17000 польскихъ воиновъ легло въ этой сѣчѣ.

Одержавъ столь блестящую побѣду, Наливайко дѣятельно принялся за очищеніе Малороссіи отъ поляковъ и уніатовъ. Отправивъ полковника Лободу съ частью войска вверхъ по Днѣпру, онъ съ остальными казаками двинулся на западъ. Въ три съ половиной мѣсяца вся Малороссія была очищена отъ враговъ и утѣснителей народныхъ. Кто не успѣлъ уйти, были перебиты безъ всякаго сожалѣнія. Оказывавшіе сопротивленіе замки, крѣпости и даже цѣлые города (Могилевъ, Слуцкъ) были выжжены и разорены до-тла.

Надъ Случью снова встрѣтился Наливайко съ польскими войсками. Уже сбавили ляхи своей спѣси: теперь они сами окопались и ждали нападенія казаковъ. Какъ только оба казацкихъ отряда (Гетмана и Лободы) соединились, казаки начали приступъ. Четыре дня атаковали они сильно укрѣпленную и удобную позицію польскаго войска и уже выбили врага изъ передовыхъ укрѣпленій, когда на мѣсто битвы явились посланцы короля и его именемъ велѣли прекратить побоище, а польскимъ военачальникамъ передали приказъ заключить съ Наливайкой вѣчный миръ на условіяхъ полной амнистіи (забвенія вины возставшихъ) и признанія за русскимъ народомъ всѣхъ дарованныхъ раньше правъ и свободъ.

Не желая напраснаго кровопролитія и получивъ исполненіе своихъ требованій, Наливайко заключилъ миръ и, вернувшись въ Украйну, принялся за приведеніе въ порядокъ разоренной страны. Но польское правительство, принужденное силою къ уступкамъ, было далеко отъ мысли считать споръ оконченнымъ и, затаивъ на время свою злобу, только ожидало удобнаго случая снова отнять у народа дарованныя Королемъ права. А пока оно все-таки выместило свою злобу на вождяхъ народныхъ. Въ томъ же году на Общій Сеймъ поѣхали и депутаты казацкаго войска—полковникъ Лобода, судья Мазепа, и сотникъ Кизимъ. Съ ними поѣхалъ въ Вар-

шаву и самъ герой народнаго возстанія гетманъ Наливайко, чтобы лично засвидѣтельствовать королю свою вѣрноподданническую покорность. Но несмотря на обѣщаніе короля, несмотря на торжественно данную амнистію, всѣ четверо были немедленно же по пріѣздѣ заключены въ тюрьму, а через три дня преданы ужасной, небывалой еще до того по своей жестокости казни: *Наливайку съ товарищами посадили въ мѣднаго быка и сожгли на площади на медленномъ огнѣ...*

И это звѣрство прошло безнаказанно. Не всколыхнулись народныя массы, не загорѣлись сердца русскія жаждой мести за мученическую гибель борцовъ за народную свободу: дарованныя права и преимущества пока еще признавались польскими властями, и народъ чувствовалъ себя спокойно.

Впрочемъ недолго.

Мало по малу опять все повернулось по старому: вновь захватили поляки всю Украйну въ свои руки, начались снова прежнія притѣсненія и жестокости. По всей Украйнѣ расположились польскія войска, грабя и избивая жителей, насилуя женщинъ и даже дѣтей. Паны-помѣщики, въ возмѣщеніе понесенныхъ во время возстанія убытковъ, увеличили свои поборы и опираясь на силу польскихъ отрядовъ стали все имущество сельчанъ признавать своею собственностью. Недовольные такимъ беззаконіемъ предавались пыткамъ, истязанію и смертной казни. Католическіе ксендзы ѣздили въ повозкахъ, запряженныхъ людьми, по двадцати и болѣе человѣкъ въ цугъ.

А всего горше было русскому народу издѣвательство надъ вѣрой православной, превосходившее всякія границы. «Церкви несоглашавшихся на унію прихожанъ», говоритъ современный лѣтописецъ, «отданы жидамъ въ аренду, и положена въ оныхъ за всякую отправку денежная плата отъ одного до пяти талеровъ, а за крещеніе младенцевъ и за похороны мертвыхъ отъ одного до пяти золотыхъ. При всякой требѣ христіанской итти къ жиду, торжиться съ нимъ и по важности отправы заплатить за нее и выпросить ключи, а жидъ при томъ насмѣявшись довольно богослуженію христіанскому и перехуливши все христіанами чинимое, называя его языческимъ, или «гойскимъ», приказывалъ ктитору возвращать ему ключи съ клятвою, что ничего въ запасъ не отправлено» Святыя пасхи были обложены податью, и откупщики-евреи, собирая эту подать, клали на пасхахъ углемъ или мѣломъ свои замѣтки.

Наконецъ терпѣніе народное стало истощаться, и опять начинаются народныя возстанія. Одинъ за однимъ поднимаются, по примѣру Наливайки казацкіе вожди и подобно ему же гибнутъ мучительной смертью отъ рукъ польскаго правительства.

Въ 1628 году гетманъ Тарасъ Трясило [3]), собравъ подъ знамя

[3]) Послужившій прототипомъ для извѣстнаго всякому Гоголевскаго героя Тараса Бульбы.

возстанія болѣе 30000 казаковъ засѣлъ съ ними въ укрѣпленномъ станѣ между Трубежемъ и Альтою, близъ Переяславля. Огромное польское войско окружило его, но казаки, напавъ на поляковъ неожиданно ночью, нанесли имъ ужасное пораженіе: часть вырѣзали и потоптали, а часть перетопили въ рѣкѣ. Надолго врѣзалась ляхамъ въ память кровавая «Тарасова ночь», вѣсть о которой объяла пожаромъ возстанія всю Украйну. Поляки, уніаты и евреи-арендаторы были безпощадно перебиты по всей Малороссіи, и вздохнулъ свободно русскій народъ, хотя впрочемъ не надолго. Вскорѣ опять начались притѣсненія. Возставшій въ 1633 году гетманъ Сулима былъ четвертованъ. Вслѣдъ за нимъ, въ 1637—1638 гг. поднимаетъ знамя возстанія гетманъ Павлюкъ, но захваченный измѣннически въ плѣнъ, въ страшныхъ мукахъ умираетъ въ Варшавѣ: *съ него живого содрали кожу и набивъ ее гречневою половою* (мякиной), *выставили на страхъ другимъ въ Чигиринѣ.* Въ Нѣжинѣ, Умани, Батуринѣ и Черкасахъ на кольяхъ были выставлены головы его ближайшихъ сподвижниковъ.

Но чѣмъ свирѣпѣе была жестокость польскаго правительства, тѣмъ больше закалялся русскій народъ въ борьбѣ за свободу. Все чаще и чаще вспыхиваютъ возстанія. 1638 г. поднимаются Остраныця и Гуня. На берегахъ р. Старицы Остраныця на голову разбиваетъ польское войско, положивъ более 11000 поляковъ мертвыми. Поляки просятъ мира, но по заключеніи его опять хватаютъ вождей казацкихъ и казнятъ ихъ въ Варшавѣ. На этотъ разъ казнь превосходитъ всякія вѣроятія. Гетманъ Остраныця съ четырьмя полковниками *колесованъ.* Пять полковниковъ *пронизаны* желѣзными *копьями и повѣшаны за нихъ живыми* на столбахъ. Семь есауловъ и пять сотниковъ *прибиты гвоздями* къ осмоленнымъ доскамъ *и сожжены* медленнымъ огнемъ. Семь хорунжихъ *растерзаны* желѣзными *крючьями.* Девять старшинъ *четвертованы. Женамъ* казнимыхъ *обрѣзаны груди*, и палачи били окровавленными *сосцами по лицамъ живыхъ еще мужей. Дѣтей* ихъ тутъ же, на глазахъ отцовъ, *жгли на угольяхъ и варили въ котлахъ.*

Всѣ эти жестокости привели, наконецъ, къ тому, что въ 1647 году вся до послѣдняго человѣка встала Украйна. И когда поднялись всѣ какъ одинъ, то ужъ никакая сила не могла удержать народныя массы. Вождемъ возстанія выступилъ на этотъ разъ полковникъ Богданъ Хмельницкій, которому Богъ судилъ окончить великое дѣло освобожденія своего народа, начатое еще за полвѣка до того гетманомъ Наливайкой. Съ перемѣннымъ счастіемъ, почти въ теченіе восьми лѣтъ, воюетъ Хмельницкій съ Польшей. То разбиваетъ онъ поляковъ (въ 1648 г.— при Желтыхъ Водахъ, подъ Корсунемъ, подъ Пилявцами; въ 1649— подъ Зборовымъ; въ 1650—близъ Житомира и т. д.), то самъ терпитъ крупныя неудачи (1651 г.—

подъ Берестечкомъ и др.) И въ зависимости отъ хода войны, то вновь признаются королемъ Польскимъ всѣ права и свободы русскаго народа, то опять такъ-же вѣроломно нарушаются всѣ клятвы и обѣщанія.

Въ концѣ концовъ, Украйна пришла къ убѣжденію, что единственный для нея правильный выходъ—отдѣлиться разъ навсегда отъ Польши и присоединиться къ единокровной и единовѣрной Московской Руси. Мысль эта была далеко не нова. Еще въ 1557 году предлагали запорожцы свою службу Московскому Царю, а въ 1625 году малорусское духовенство прямо обращалось къ царю Михаилу Федоровичу съ просьбой принять многострадальную Кіевскую Русь подъ свою защиту. Но видѣла Москва, что прійдется изъ-за Малороссіи вести тяжелую (и быть можетъ, непосильную) борьбу съ Польшей, и поэтому предложенія эти были, хотя и скрѣпя сердце, отклонены.

Хмельницкій еще въ 1649 году просилъ у Царя покровительства, но безуспѣшно. Спустя два года, послѣ неудачи подъ Берестечкомъ, онъ вновь повторяетъ свою просьбу о защитѣ. Еще болѣе настоятельными становятся эти просьбы въ слѣдующемъ, 1652 году. Тогда Царь рѣшаетъ посовѣтоваться о такомъ важномъ дѣлѣ съ представителями всей земли Русской, и созванный имъ въ Москвѣ въ 1653 году Земскій Соборъ приходитъ къ убѣжденію, что нельзя болѣе оставлять Малороссію на краю гибели и необходимо протянуть ей руку помощи.

Получивъ извѣстіе о такомъ постановленіи Собора, Хмельницкій назначаетъ для окончательнаго рѣшенія вопроса общую «раду» въ Переяславлѣ, и здѣсь 8 января 1654 года Божіею милостію и волею всего казачества и народа малорусскаго совершился величайшій въ исторіи Россіи фактъ возсоединенія раздѣленныхъ въ теченіе почти трехъ вѣковъ двухъ половинъ единой великой и отнынѣ недѣлимой Россіи.

IV. Историческое значеніе казачества. В. Дѣятельность казаковъ въ лихолѣтья.

Смутное время. Участіе казаковъ въ прекращеніи смуты и въ избраніи перваго Государя изъ Дома Романовыхъ. Нашествіе французовъ въ 1812 году. Смуты недавняго времени.

Словно гранитный утесъ непоколебимо и твердо стояло казачество, принимая на свою богатырскую грудь всѣ случайности и невзгоды борьбы съ врагами Россіи на всѣхъ далекихъ и близкихъ окраинахъ широкаго Русскаго царства Однако, служба казачья не ограничивалась защитой отечества отъ внѣшней грозы. Приходилось Русскому государству

переживать и такія тяжелыя времена, когда на ряду съ внѣшней опасностью вставала еще болѣе грозная —внутренняя, когда борьба партій за власть и междоусобная вражда доходили до такой степени, что государство, казалось, стояло уже на краю окончательной гибели, на порогѣ полнаго распада и смерти. И въ эти трудные дни казачество обнаруживало во всю широту свою скрытую мощь, свою беззавѣтную преданность отечеству и свою готовность сознательно приносить частные интересы въ жертву общей пользѣ: дружно и смѣло вставало оно, какъ одинъ человѣкъ, на защиту цѣлости, свободы и чести государства и спасало его отъ конечной гибели.

Ровно триста лѣтъ тому назадъ отечество наше раздиралось Великой Смутой. Прекратился царствовавшій до того времени родъ Рюриковичей, престолъ русскій попалъ въ руки случайнаго человѣка полутатарина Бориса Годунова, не пользовавшагося любовью народной, несмотря ни на свой умъ, ни на свою готовность послужить пользѣ государственной. И когда противъ Годунова поднялся изъ Польши невѣдомый никому человѣкъ, называвшій себя Димитріемъ, сыномъ царя Ивана Грознаго, то все государство русское,—духовенство, бояре, воеводы, служилые люди и простой народъ,—незамедлили измѣнить своему же избраннику царю Борису и сыну его Θеодору и предались на сторону самозванца, которому вскорѣ также измѣнили, самого его убили, а царемъ поставили боярина Василія Шуйскаго. Но не долго и этотъ просидѣлъ на расшатавшемся престолѣ, и былъ въ свою очередь свергнутъ.

И тогда началось на Руси междуцарствіе (1610—1613 г.г.). Во всѣхъ концахъ государства появились чуть ли не десятки самозванцевъ, называвшихъ себя царями и царевичами русскими. Каждый изъ нихъ тянулъ въ свою сторону, и метались люди русскіе изъ одного стана въ другой, не зная, за кого же стоять, кто «истинный государь», а кто «прямой воръ». Въ исканіи собственныхъ выгодъ, боярство московское дошло даже до того, что предложило русскій Тронъ иноземцу-католику, польскому королевичу Владиславу.

Вотъ тутъ-то и выступили казаки, поставивъ себѣ задачей не допустить отечество до такой бѣды, чтобы сталъ царемъ иноземецъ. По всей землѣ русской народное броженіе дошло до крайней степени. Поляки были заперты въ Московскомъ Кремлѣ, и стали къ Москвѣ стекаться со всѣхъ сторонъ отряды добровольцевъ-патріотовъ, готовыхъ сложить свои головы за родину и цѣною своей жизни освободить отечество отъ грозящаго ему чужеземнаго ига.

Однако и въ этомъ случаѣ все та-же несчастная самоубійственная борьба за власть чуть было не погубила всего дѣла въ самомъ началѣ: между предводителемъ дворянскаго ополченія—рязанцемъ Прокопіемъ Ляпуновымъ и казацкаго—

княземъ Трубецкимъ пошла вражда изъ за первенства, дошедшая до того, что Ляпуновъ былъ убитъ казаками. Готово было уже рухнуть великое дѣло спасенія отечества, но къ счастью въ это самое время въ Нижнемъ-Новгородѣ возникло сильное народное движеніе, начало которому и дальнѣйшее направленіе далъ извѣстный Козьма Мининъ, сумѣвшій настолько возбудить патріотизмъ своихъ согражданъ, что въ короткое время собрана была огромная казна и набрано ополченіе, двинувшееся къ Москвѣ подъ начальствомъ князя Михаила Пожарскаго. Примѣру Новгорода послѣдовали и другіе большіе города, и вскорѣ подъ Москвой собралось сильное войско, готовое на рѣшительную борьбу съ поляками.

И было въ пору, такъ какъ шелъ уже на помощь къ запертымъ въ Кремлѣ полякамъ гетманъ польскій Ходкевичъ съ большими силами. Но Пожарскій преградилъ Ходкевичу путь и вступилъ съ нимъ въ битву, которая чуть-было не окончилась пораженіемъ русскихъ, благодаря тому, что завистливый и честолюбивый князь Трубецкой, начальствовавшій казацкимъ ополченіемъ, не хотѣлъ оказать помощи Пожарскому. Однако въ рѣшительную минуту сраженія, когда дальнѣйшее промедленіе грозило повлечь за собой разгромъ русскаго войска, казацкіе атаманы Филатъ Межаковъ, Афанасій Коломна, Дружина Романовъ и Марко Козловъ, не взирая на запрещеніе князя Трубецкого, сами вмѣшались въ дѣло и кинулись со своими казаками на поддержку Пожарскому, крича Трубецкому: Отъ вашей ссоры Московскому Государству и ратнымъ людямъ пагуба становится!»... Эта поддержка, оказанная во-время и умѣло, придала рѣшительный перевѣсъ русскимъ,— поляки были разбиты и оттѣснены отъ Москвы.

Первый успѣхъ сразу ободрилъ русскихъ и наполнилъ ихъ сердца увѣренностью въ благополучномъ исходѣ начатаго дѣла. И дѣйствительно, вскорѣ все государство Московское было очищено отъ поляковъ, послѣ чего можно было приступить къ приведенію въ порядокъ внутреннихъ дѣлъ.

Казаки и здѣсь шли впереди, указывая вѣрный путь къ выходу изъ бѣдственнаго положенія. Они еще ранѣе, разсылая изъ-подъ Москвы грамоты въ разные города русскіе съ просьбой итти къ нимъ на помощь для борьбы съ поляками, указывали на то, что для спасенія отечества необходимо положить конецъ безначалію *и выбрать всею землею новаго царя*. И вотъ въ освобожденной Москвѣ собирается Земскій Соборъ для избранія царя. Прежде всего былъ поставленъ вопросъ, выбирать ли русскаго или иноземца изъ сосѣднихъ царствующихъ фамилій и рѣшено было „Литовскаго и Шведскаго короля, и ихъ дѣтей, и иныхъ нѣмецкихъ вѣръ и нѣкоторыхъ государствъ иноязычныхъ не христіанской вѣры греческаго закона на Владимирское и Московское государства не избирать“. Стали выбирать изъ своихъ. Охот-

никовъ занять престолъ набралось не мало,—и начались козни, дрязги, смуты и волненія. Каждый тянулъ за своего и не хотѣлъ уступить другому. Наконецъ, казачій толосъ рѣшилъ дѣло въ пользу малоизвѣстнаго Михаила Ѳеодоровича Романова, молодого внука боярина Никиты Романовича Юрьева-Захарьина, бывшаго еще при Иванѣ Грозномъ наказнымъ атаманомъ всѣхъ городовыхъ казаковъ и начальникомъ „польской украйны“,[1]) однимъ изъ Донскихъ атамановъ было подано Земскому Собору письменное казачье мнѣніе „О природномъ царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ“. Къ этому мнѣнію въ концѣ концовъ присоединились и прочіе выборные, и 21-го февраля 1613 года предложенный казаками кандидатъ[2]) былъ волею Божіею и голосомъ народа русскаго провозглашенъ Царемъ Московскимъ, а престолъ былъ врученъ донынѣ благополучно царструющему Дому Романовыхъ.

Современниками ясно сознавалось огромное значеніе казачьей службы въ Смутное Время, и вотъ какую оцѣнку этой службы даютъ Царь, Земскій Соборъ и высшее Россійское духовенство въ грамотахъ своихъ, посланныхъ къ атаманамъ и казакамъ на Донъ, Волгу, на Яикъ и на Терекъ[3]): «*И вы*, атаманы и казаки, помня Бога и истннную нашу хрестьянскую вѣру... *пришли подъ царствующій градъ Москву* и, будучи подъ Москвою многое время, къ великому Россійскому государству многую свою службу и радѣніе показали: съ Польскими и Литовскими людьми билися, *не щадя головъ своихъ, и многіе ваша братья*, атаманы и казаки, за истинную нашу православную хрестьяскую вѣру и за всѣхъ православныхъ крестьянъ на многихъ боѣхъ *побиты и ранены*. И по милости Божіей, а *вашею* атаманскою и казачьею къ великимъ Россійскимъ государствамъ *прямою многою службою, и радѣньемъ и кровью, и дородствомъ, и крѣпостью и правдою, Московское государство отъ Польскихъ и отъ Литовскихъ людей очистилось*, отъ ихъ злого плѣненія учинилось свободно... И ваша братья, атаманы и казаки, которые съ тѣми государевыми бояры и воеводы, многую свою службу къ великому Государю нашему и ко всему Россійскому государству показали: городы Можаескъ, и Вязьму, и Дорогобужъ, и Бѣлую, и Путивль, и Черниговъ, и *иные многіе города отъ Польскихъ и Литовскихъ людей очистили*, а отъ Нѣмецкіе украйны, Тихвинъ монастырь и иные многіе Ноугородскіе пригороды очистили и подъ царскую высокую руку привели попрежнему; *и Литовскую землю ны-*

---

[1]) См. выше, гл. II, стр 15.

[2]) Что именно казаки поддержали кандидатуру Михаила Ѳеодоровича, видно еще изъ того, что отцу новоизбраннаго Царя Филарету Никитичу, бывшему въ то время въ польскомъ плѣну, поляки открыто говорили: «*Посадили сына твоего на Московское государство государемъ одни казаки донцы!*»...

[3]) Дон. Дѣла, т. I, стр. 91—94, 161, 165, 166, 173.

ни воюютъ, многіе городы и острожки въ Литовской землѣ поимали; и недружбу имъ и ихъ многіе неправды мстятъ; да и ваше атамановъ и казаковъ и *всего вашего Великаго Войска которые нынѣ на Дону, и на Волгѣ. и на Терекѣ и на Яикѣ.* Великому Государю нашему многая служба и раденье объявилось; и къ Великому Государю писали свою службу и раденье, что они хотятъ Великому Государю нашему служить прямымъ своимъ сердечнымъ желательнымъ раденьемъ до кончины живота своего и къ воровству ни къ какому приставать не хотятъ .. А вы бъ, атаманы и казаки, по своему истинному обѣщанью, службу свою и раденье къ Великому Государю нашему и ко всему Московскому Государству совершали, на тѣхъ воровъ вмѣстѣ стояли. А Великій Государь нашъ, его Царское Величество, *за вашу истинную къ Богу вѣру и правду, и къ нему. Великому Государю. за службу и за радѣнье* учнетъ васъ держати въ своемъ царскомъ милостивомъ жалованьѣ и въ призрѣньѣ свыше прежнихъ великихъ Государей... А отъ Всемогущаго Бога Творца и Создателя и отъ Причистые Его Богоматери, крѣпкіе надежи и заступницы, и великихъ чудотворцевъ, просіявшихъ въ нашемъ Россійскомъ царствіи. здѣсь и въ будущій вѣкъ милость: *а отъ всего Московскаго государства и отъ окрестныхъ государствъ честь и хвалу въ томъ на вѣки получите.* И въ его царскомъ жалованьѣ и въ милостивомъ призрѣньѣ будете на вѣки неподвижны».

Прошло два вѣка, и снова пришлось отечеству нашему перенести тяжелое испытаніе,—въ 1812 году французскій императоръ Наполеонъ I Бонапартъ съ полумилліонной арміей, составленной изъ всѣхъ народовъ Европы («дванадесяти языковъ»), вступилъ въ предѣлы Россіи, оттѣснилъ русскую армію въ глубь страны и послѣ жестокой и кровопролитной Бородинской битвы занялъ первопрестольную столицу русскую — Москву. И снова единодушно поднялся народъ русскій, тысячи казаковъ, какъ и прежде, явились подъ Москву биться съ врагомъ и опять «атаманскою и казачьею прямою службою, и радѣніемъ, и кровію, и дородствомъ, и правдою великое Россійское государство отъ дванадесяти языковъ очистилось и отъ злого ихъ плѣненія учинилось свободно».

Какъ орлы на лакомую добычу кинулись казаки на вражескую армію, неустанно гнали и терзали ее при отступленіи изъ Москвы, въ преслѣдованіи своемъ дошли до самаго Парижа, столицы Франціи, и разнесли грозную славу непобѣдимаго русскаго оружія по всей Европѣ.

Объ успѣхахъ лихихъ казацкихъ вождей («вихря атамана» Платова и др.) Кутузовъ доносилъ Государю такъ: «Великъ Богъ, Всемилостивѣйшій Государь! Припадая къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества, поздравляю Васъ съ новою побѣдою.

Казаки дѣлаютъ чудеса,—бьютъ на артиллерію и пѣхотныя колонны. Всѣ французы, въ плѣнъ забираемые, неотступно просятъ о принятіи ихъ въ русскую службу. Даже вчера италіанской гвардіи 15 офицеровъ приступили съ тою же просьбою. Они говорятъ, что *нѣтъ выше чести, какъ носить русскій мундиръ!*»..[4])

Французскій генералъ Де-Брекъ, одинъ изъ лучшихъ кавалерійскихъ офицеровъ арміи Наполеона I, даетъ въ своей книгѣ «Аванпосты легкой кавалеріи», изданной въ 1831 году, самые лестные отзывы о боевыхъ качествахъ казаковъ. «*Казаки*», говоритъ онъ[5]), «*лучшая легкая кавалерія въ Европѣ* вполнѣ достигшая цѣли своего назначенія (которое должно было бы быть назначеніемъ всякой легкой кавалеріи). Имъ свойственны *инстинкты волка и лисицы*; они привычны къ войнѣ и отличаются *крѣпостью тѣла*, а лошади ихъ чрезвычайно выносливы...

«Если казаки раздѣляются при отступленіи тѣмъ больше, чѣмъ продолжительнѣе ваши атаки, то не думайте, что они потеряли увѣренность и оробѣли. Нѣтъ, это способъ ихъ отступленія, способъ чрезвычайно опасный для преслѣдующаго ихъ непріятеля, которому часто приходится раскаяться въ своей смѣлости. Если же, напротивъ, другія европейскія войска не скоро собираются при отступленіи, то это вѣрный признакъ ихъ деморализаціи; тогда нужно сильно насѣсть на нихъ...

«Упоминая о *казакахъ*, я указывалъ вамъ на нихъ, какъ на *совершенный образецъ*. Я снова подтверждаю то, что было мною сказано объ этомъ. Нѣкоторые офицеры, не участвовавшіе въ войнѣ или участвовавшіе въ ней не на аванпостахъ, считаютъ своей обязанностью презрительно отзываться объ этой кавалеріи; *не вѣрьте имъ*. Несправедливость къ своему противнику есть всегда дурная и ложная политика, и лучшій способъ для обогащенія себя боевыми средствами заключается не въ злословіи, а въ наблюденіи. *Спросите мнѣніе, составленное о казакахъ нашими знаменитостями*, каковы маршалы: Сультъ, Жераръ, Клозель, Мезонъ; генералы: Моранъ, Каллеманъ, Пажоль, Кольберъ, Корбино, Ламаркъ, Преваль; спросите нашихъ неустрашимыхъ командировъ: д'Омениля, Фарина и др., однимъ словомъ, *спросите всякаго настоящаго боеваго офицера*, и они скажутъ вамъ, что легкіе кавалеристы, которые, *подобно казакамъ*, окружаютъ армію *бдительной и непроницаемой сѣтью* и, защищая ее, вмѣстѣ съ тѣмъ *утомляютъ непріятеля, постоянно наносятъ удары* и лишь *рѣдко сами подвергаются имъ*, прекрасно и вполнѣ удовлетворяютъ

---

[4]) Михайловскій-Данилевскій. Описаніе Отечественной войны 1812 г. С.-ПБ. 1843 г. ч. III, стр. 383.

[5]) Де-Бракъ. Аванпосты легкой кавалеріи. Воспоминанія. Пер. съ фр С. Домозацкаго. Стр. 260—262, 480—482.

назначенію какой бы то ни было легкой кавалеріи.

«Вы прочтите въ запискахъ Лавалетта: «Казаки были оружіемъ, которое дѣлало войну чрезвычайно опасной, въ особенности для офицеровъ, назначенныхъ на рекогносцировки. Многіе изъ нихъ, и преимущественно офицеры генеральнаго штаба, избранные начальникомъ штаба, предпочитали доставлять свои рапорты, основывая ихъ на показаніяхъ крестьянъ, чѣмъ подвергаться въ дали нападеніямъ казаковъ. Такимъ образомъ Императоръ уже не могъ знать истины».

«Итакъ вы видите офицеровъ, не смѣющихъ даже во Франціи отойти на разстояніе! Вы видите, что *геній Императора парализуется дѣятельностью казаковъ!* Развѣ этотъ фактъ ничего не значитъ?

«Генералъ Моранъ, въ свою очередь, говоритъ про нихъ слѣдующее: «Но эти конные народы не знаютъ ни правильныхъ подраздѣленій на части, ни равненія, не знаютъ вообще столь высоко цѣнимаго порядка и стройности; они ѣздятъ обыкновенно прижавъ колѣни къ лошади, а ногами упираются на широкія стремена, служащіе имъ опорой при употребленіи въ дѣло оружія, такъ что они могутъ наклонять корпусъ впередъ для нанесенія удара, и отшатываться назадъ для избѣжанія послѣдняго. Лошади ихъ пріѣзжанныя такимъ образомъ, что могутъ съ мѣста бросаться въ карьеръ и сразу останавливаться на карьерѣ, усугубляютъ ихъ ловкость и какъ бы составляютъ съ ними одно цѣлое. Люди эти постоянно бодрствуютъ, двигаются съ замѣчательной быстротой, имѣютъ весьма ограниченныя потребности, а въ умахъ ихъ зараждаются однѣ лишь воинственныя мысли......

...«*Движеніе французской арміи было замедлено казаками,*—отрѣзавъ ее отъ всякой помощи, они безпрестанно съ остервенѣніемъ нападали на ея фланги, подобно разсвирѣпѣвшимъ пчеламъ, безчисленные уколы которыхъ замучиваютъ и обезсиливаютъ льва...

...«Какое чудное зрѣлище представляла эта европейская кавалерія, раскинувшая свои линіи на берегахъ Нѣмана, блестящая сталью и золотомъ на солнечныхъ лучахъ іюньскаго дня и сіяющая пыломъ и храбростью! Какое горькое воспоминаніе оставили по себѣ тѣ безполезныя, истощившія ее маневрированія, которыя она употребляла противъ *казаковъ*, прежде презираемыхъ, но *сдѣлавшихъ для спасенія Россіи болѣе, чѣмъ всѣ арміи этой Имперіи*; ежедневно показывались они на горизонтѣ, растянувъ свою линію на громадномъ пространствѣ, а ихъ ловкіе наѣздники смѣло подъѣзжали чуть не къ самымъ нашимъ шеренгамъ: мы строились, шли на эту линію, но когда совсѣмъ уже подходили къ ней, она исчезала и на горизонтѣ снова виднѣлись однѣ березы да сосны; но часъ спустя, когда лошадямъ уже былъ заданъ кормъ, атака начиналась снова,—черная линія ихъ

опять появлялась, и снова повторялись тѣ же маневры, приводившіе къ тѣмъ же результатамъ. И такимъ образомъ самая лучшая, самая храбрая кавалерія была замучена и изнурена людьми, которыхъ они считали недостойными для себя противниками, но *которые между тѣмъ одни могли спасти государство, нашедшее въ нихъ истинную опору и единственныхъ освободителей.* Къ довершенію нашего огорченія нужно прибавить, что *наша кавалерія была многочисленнѣе казаковъ;* что она была поддержана самой легкой и доблестной артиллеріей, составлявшей ужаснѣйшее изъ когда-либо существовавшихъ орудій смерти; кромѣ того, слѣдуетъ замѣтить, что ея начальникъ, образецъ храбрости, поддерживалъ каждое свое движеніе самой неустрашимой пѣхотой. *И несмотря на это, казаки возвратились покрытые славой, съ богатой добычей на плодородные берега Дона,* между тѣмъ какъ поля Россіи были усѣяны трупами и оружіемъ нашихъ воиновъ, столь доблестныхъ, неустрашимыхъ и столь преданныхъ славѣ нашего отечества: вотъ что значитъ организація, вотъ въ чемъ заключается тайна побѣдъ Чингисъ-Хана»...

Такимъ образомъ, по признанію самого противника нашего, казачество въ 1812 году явилось вновь спасителемъ отечества отъ конечной гибели.

Наконецъ, и въ недавніе смутные годы, когда расшаталась и ослабѣла въ Россіи государственная власть, когда опять потерявшіе голову русскіе люди не знали, за что стоять, кому служить и чему вѣрить, попрежнему не поколебалось казачество и не только не примкнуло къ озвѣрѣвшимъ толпамъ мятежниковъ, но всѣ какъ одинъ самоотверженно стали казаки на защиту законности и порядка и по всему лицу Земли Русской мужественно и твердо исполняли свой тяжелый долгъ службы и присяги, не требуя наградъ за вѣру и вѣрность свою и не страшась ни пуль, ни кинжаловъ, ни бомбъ.

Много пришлось казакамъ перенести и вытерпѣть отъ обезумѣвшихъ враговъ порядка, не понимавшихъ уже, что даже плохой законъ лучше беззаконія, и что не насиліемъ покупается свобода. Не мало клеветы и оскорбленій пало на казачьи головы, но и это не поколебало твердость духа казаковъ, всегда и вездѣ готовыхъ до самозабвенія служить пользѣ отечества, до послѣдней капли крови стоять за цѣлость, силу и честь единой недѣлимой Россіи и быть крѣпкимъ оплотомъ, надежной опорой Царскаго Трона....

Сотникъ М. А. Карауловъ 2-ой.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Извлечено изъ №№ «Терск. Вѣдом.» за 1909—1910 г.г.

ТЕРСКОЕ ОБЩЕСТВО
ЛЮБИТЕЛЕЙ
КАЗАЧЬЕЙ СТАРИНЫ

имѣющее цѣлью (§ 1 Устава Об-ва) разработку казачьей исторіи вообще, Терскаго Войска въ частности, всестороннее изслѣдованіе казачьяго быта распространеніе достовѣрныхъ свѣдѣній о казачествѣ въ его прошломъ настоящемъ, открывъ свою дѣятельность,

ПРИГЛАШАЕТЪ

всѣхъ, интересующихся прошлымъ казачества, его бытомъ и положеніемъ готовыхъ принять участіе въ трудахъ Общества по разработкѣ казачьих вопросовъ, вступить въ число членовъ Общества дѣйствительныхъ, соревно вателей или сотрудниковъ, согласно уставу Общества, который можно полу чать Совѣтѣ Общества (гор. Владикавказъ. Войсковой Штабъ Терскаго ка зачьяго Войска).

Президентъ Общества,
Генералъ-маіоръ *Ѳ. Г. Чернозубовъ.*

Секретарь Общества,
Сотникъ *М. А. Карауловъ 2-ой.*

